

Ф.Ф. КОКОШКИН И ТЕОРИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ.

А.Н. Медушевский

Русский конституционализм выдвинул ряд крупнейших ученых, заложивших основу современной политологии или социологии политического процесса. Достаточно указать на научные труды и публицистические выступления в этой области М.М. Ковалевского, С.А. Муромцева, Н.М. Коркунова, П.Н. Миллюкова, а также основателя социологии политических партий - М.Я. Острогорского. Политическая программа данного течения отразилась наиболее полно в теории правового государства и проекте конституции, разработанном его ведущими идеологами еще в период революции 1905 г. и ставшего основой политической программы кадетской партии вплоть до февраля 1917 г. Центральную роль в разработке стратегии решения конституционного вопроса в России и выработке важнейших программных документов в этой области сыграл Ф.Ф. Кокошкин - мыслитель и политический деятель, взгляды которого, однако, очень мало известны в настоящее время. В то же время очевидна их актуальность в условиях современных политических преобразований. Стремление примирить идеал и действительность, добиться решения социальных конфликтов мирным путем выразилось наиболее полно в концепции правового государства, ставшей одновременно важнейшим программным требованием кадетской партии. По своей юридической природе данный тип государственности рассматривался ими прежде всего как антитеза абсолютистским монархиям старого порядка, а потому был синонимом государства конституционного. Творческий путь Кокошкина (1871-1918 гг.) и его политическая деятельность являются наиболее цельным выражением стремления русского либерализма к созданию правового государства. Мы рассмотрим, во-первых, формирование и развитие политических убеждений ученого, во-вторых, их проверку на практике в ходе первого крупного конституционного кризиса в России - роспуска Государственной думы Столыпиным и, в-третьих, создание модели правового государства для России.

1. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ

Становление научного и политического мировоззрения

Тезис о дворянском, и даже аристократическом происхождении русских либералов подтверждается анализом генеалогических материалов о роде Кокошкина (1). В этом смысле происхождение Кокошкина мало чем отличалось от происхождения, например, С.А. Муромцева, с которым он

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России

тесно сотрудничал (2). "Я родился, - писал Кокошкин в автобиографии, - в 1871 г. и по происхождению коренной москвич. Наш род принадлежит к числу старейших дворянских фамилий, записанных в так называемую "Бархатную книгу", составленную при московских царях. Мои предки владели непрерывно поместьями в пределах нынешней Московской губернии, начиная с XVI в." (3). Влияние исторической памяти на социально - политическую позицию Кокошкина несомненно и подтверждается его устойчивым интересом к своему роду. В архиве Кокошкина сохранились материалы генеалогического характера, включающие выписки из Гербовника, по которым род восходит к XVI в., из описи датского архива о происхождении рода и, что особенно важно, сведения об участии представителя рода в работе знаменитой екатерининской Комиссии о составлении нового Уложения (он фигурирует в списке депутатов 1767 г.). Можно предположить, что убеждения либерального столичного дворянства эпохи Просвещенного абсолютизма сыграли не последнюю роль в становлении будущего теоретика конституционной монархии. Рано потеряв отца, Кокошкин был воспитан матерью - начальницей женской гимназии города Владимира, где он получил среднее образование, дополненное затем домашним образованием в родовом имении близ Москвы. Окончив в 1893 г. Юридический факультет Московского университета, он жил несколько лет в имении, "занимаясь сельским хозяйством и в то же время готовясь к экзамену на степень магистра государственного права". В то же время Кокошкин становится действительным членом и товарищем секретаря Московского юридического общества - неформального общественного объединения профессоров и молодежи Юридического факультета, ставшего важным этапом в формировании нового политического сознания и подготовке кадров квалифицированных юристов западного типа. В силу этого деятельность Юридического общества была признана оппозиционной и оно было закрыто министром Боголеповым по настоянию великого князя Сергея Александровича.

Формирование научного и политического мировоззрения Кокошкина проходило в годы, предшествующие русской революции 1905 г., под сильным влиянием российской и западноевропейской политической мысли, с одной стороны, земского и университетского либерального движения - с другой. Исключительно плодотворным оказалось сочетание практической работы в земстве с университетским преподаванием и научной работой. Поворотным пунктом стало знакомство с западной конституционной теорией и практикой. "Выдержав магистерский экзамен и получив звание приват-доцента Московского университета, - вспоминал Кокошкин, - я отправился на два года за границу, где изучал конституционное право в Гейдельберге, Страсбурге, Париже. В Париже я провел около полугода, работая в библиотеках и посещая лекции. Как Вам известно, я состоял студентом "Ecole des sciences politiques". Как будет показано в дальнейшем, опыт французской и особенно германской юриспруденции оказался наиболее важным при подготовке Кокошкиным конституционного проекта для постреволюционной России. По возвращении в Россию Кокошкин посвятил себя преподаванию в Университете, где он читал лекции по истории государственного права и о местном самоуправлении вплоть до начала революции.

Параллельно с научной работой шло вовлечение молодого ученого в политическую деятельность, единственной легитимной формой которой было участие в земском либеральном движении: еще в 1897 г. он был избран членом

Звенигородского уездного земского собрания; в 1900 г., по возвращении из-за границы, - членом Московского губернского земского собрания; а в 1903 г. - членом Московской губернской земской управы, в которой заведовал экономическим отделом (содействие сельскому хозяйству и кустарной промышленности). Эта деятельность продолжалась вплоть до избрания Кокошкина в депутаты Государственной Думы в 1906 г. Исключительно ценной является информация автобиографии Кокошкина о формировании такого направления либерального движения как земский конституционализм, видным представителем которого он являлся. Основные этапы этого процесса - от тайных кружков до образования заграничного Союза Освобождения и от него - к Земским съездам - раскрыты в литературе (4). Свидетельство Кокошкина ценно тем, что он принимал самое активное участие в конституционных дискуссиях на всех организационных стадиях вплоть до создания Конституционно-демократической партии. "Вступление мое в состав Московского губернского земского собрания совпало с тем временем, когда началась кратковременная, но важная роль земства в политическом движении. Конституционных требований еще нигде было выражать открыто, но уже образовались в среде земцев тайные организации и политические кружки. Членом одного из таких кружков, собиравшегося у кн. Долгорукова, состоял и я. Кроме того, я вступил в состав более обширной либерально-демократической организации, известной под именем "Союза Освобождения". С осени 1904 г. земства выступили на политическую арену уже открыто в форме земских союзов. Я принимал в них участие с самого начала в качестве делегата от Московского губернского земского собрания и входил в состав бюро этих союзов. Многие из резолюций Союзов состоялись по моим докладам... Когда роль земских союзов, бывших как бы временным суррогатом народного представительства, кончилась и началось образование политических партий, я был в числе основателей конституционно- демократической партии, членом ЦК которой состою до настоящего времени" (5).

В либеральной историографии последующего времени роль земских съездов подчеркивалась в связи с разработкой общей стратегии оппозиционного движения и разработкой первых конституционных программ. На этот факт обращает внимание В.В. Леонтович (6). В настоящее время ясно, каким образом идея конституционной монархии возникла в ходе предшествующих дискуссий и была реализована в конституционных проектах, составленных с участием Кокошкина (7).

В своей статье о С.А. Муромцеве и земских съездах, написанной впоследствии, Кокошкин достаточно подробно говорит о замысле этих документов и их политической направленности (8). Из свидетельства П.Н. Милюкова можно заключить, что работа над проектом конституции объединила лучшие научные силы страны: наряду с авторитетными профессорами (М.М. Ковалевским, С.А. Муромцевым и другими) "рабочую силу составляли молодые профессора-юристы нового поколения Ф.Ф. Кокошкин, П.И. Новгородцев, сам Милюков и др. (9). Именно в ходе этих конституционных дискуссий были сформированы основы программы кадетской партии по таким принципиальным пробле-

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России

мам как аграрный и национальный вопросы, отношение к всеобщему избирательному праву, двухпалатному парламенту.

В ходе этих споров Ф.Ф. Кокошкин был признан ведущим теоретиком кадетской партии, "главным экспертом по конституционным вопросам", "блюстителем принципов", автором важнейших программных документов.

Первая русская революция (1905).

Деятельность Кокошкина накануне и во время первой русской революции проясняется из воспоминаний его жены М.Ф. Кокошкиной, венчание с которой состоялось в "самое тревожное время" - в октябре 1905 г. Сообщая о его работе в Союзе Освобождения, участии в земском движении и политических дискуссиях эпохи революции, она дает образ отстраненного мыслителя, силой обстоятельств вынужденного заниматься политикой. "Его влекло к природе, науке, искусству, жизнь же всегда толкала его в самую гущу борьбы и выносила на самую поверхность политической борьбы. Вся его жизнь - это коллизия личной жизни и общественной". Это заключение, сделанное уже после смерти Кокошкина, противоречит другому - о необычно высокой политической активности мыслителя в ходе революции: "С 1904-5 года, - говорит М.Ф. Кокошкина - мы не могли найти свободного дня, чтобы обвенчаться. То вырабатывались основные государственные законы Российской империи, то подготовка к земским съездам, то программа партии... Словом, заседания и заседания" (10). Среди основных организационных мероприятий названы при этом именно те, которые касались разработки принципов и правовых основ конституционализма. В условиях октябрьской стачки Кокошкин участвовал в заседании Городской Думы, "где собрались представители всех партий для обсуждения создавшегося положения"; затем (с 12 по 17 октября) Ф.Ф. провел на "учредительном съезде партии Народной свободы - в доме Долгоруковых, куда в ночь с 17-го по 18-ое сообщили об указе Витте". Речь идет о манифесте 17 октября 1905 г., теоретически создававшего возможности перехода от абсолютизма к конституционной монархии. Из воспоминаний М.Ф. Кокошкиной мы узнаем об основных тенденциях внутри либеральной оппозиции, оформившихся в ходе дискуссии об отношении к манифесту. Главная проблема заключалась в отношении к власти: брать ее или нет, если да, то в какой форме, какова должна быть структура будущего правительства. Переход конституционного вопроса из теоретической сферы в практическую выявил трудности организационного характера и растущие разногласия, приведшие затем к расколу либерального движения на ряд политических партий. "Тот час же по назначении Витте председателем Совета министров - читаем мы в этом автобиографическом свидетельстве, - начались переговоры с общественными деятелями, в результате которых последовало избрание 3-х лиц, для которых и поручались эти переговоры. Это были председатель бюро Земских съездов Ф.А. Головин, потом князь Г.Е. Львов и Ф.Ф. Кокошкин. Переговоры сводились к тому, чтобы самим не идти в министерство, а указать на таких общественных деятелей: которые не были бы связаны партийной программой как Трубецкой и Шипов. Для представителей партии народной свободы, только что выработавших и принявших свою программу - это не было возможно. Потом, на последнем земском съезде 28 ноября, было течение против правильности такого решения. Так например, Иван Ильич Петрункевич находил, что надо было идти и брать

власть в свои руки. П.Н. Милюков, наоборот, считал, что для данного момента требовалось деловое министерство - из чиновников. Переговоры же с Ев. Трубецким и Шиповым ни к чему не привели. По словам Витте, первый, т.е. Трубецкой, скорее походил на Гамлета, чем на министра, а второй - Шипов - это сплошное колебание, "если-если". Насколько можно судить из источника, Кокошкин не только не разделял этой позиции Витте, но, напротив, считал ее уловкой, направленной на сворачивание обещаний, данных манифестом 17 октября. "На самом же деле, - отмечает автор свидетельства, - как Трубецкой так и Шипов спотыкались о кандидатуру Дурново, не желая быть с ним вместе, а Витте был больше всего с ним связан и не мог поступиться им. В конце концов пришлось Дурново приправить частью либеральных чиновников и приступить к ликвидации отдельных проявлений новых свобод. В это время ясно вырисовывалось два движения. Одно подготовительное к предстоящим выборам, другое - подготовительное к революционному восстанию. Первое за выборы, второе - за бойкот их. Завершилось все вооруженным восстанием" (11).

Избрание депутатом Государственной Думы от Москвы наряду с С.А. Муромцевым и видным теоретиком аграрного вопроса М.Я. Герценштейном сделало Кокошкина политической фигурой российского масштаба. Уникальное правовое образование позволило ему занять место товарища секретаря Думы и члена комитета парламентской фракции кадетской партии. Характер работы Кокошкина в Думе выясняется из его участия в следующих думских комиссиях - редакционной, по составлению наказа (регламента), о неприкосновенности личности, о свободе собраний и комиссий, выработавшей ответный адрес на тронную речь. Он по собственным словам "участвовал в разработке большинства законопроектов, внесенных или подготовленных к внесению в Государственную Думу кадетской партией", а также "был в числе членов Думы, составивших и подписавших в Выборге манифест к народу" (12). Таким образом, перед нами - крупнейший юрист-практик, сыгравший решающую роль в формулировании либеральной программы решения конституционного вопроса в России.

Действительно, в качестве политического деятеля и публициста Кокошкин выступал по самым острым вопросам права своего времени: так, в период земских союзов центральными темами выступлений были "организация народного представительства на началах всеобщего голосования" (фактически правовая разработка всего круга вопросов избирательного права) и "проблема автономии Царства Польского" (включая вопрос о федерализме в целом); в эпоху Думы - выступление от имени кадетской фракции с широким кругом законопроектов, призванных составить основу будущего Основного закона, в частности, с проектом об установлении в России гражданского равенства, постановка вопроса о недоверии министерству (в связи с Белостокским погромом), наконец, активное участие в создании Выборгского воззвания. Все эти инициативы объединены одной темой, которая в то же время является центральной для либерализма - конституционные гарантии прав личности. В руководстве кадетской партии Кокошкин рассматривался прежде всего как правовед-практик, специализацией которого являлся национальный вопрос. "Программа по нацио-

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ**Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России**

нальному вопросу (автономия Польши и децентрализация России) - отмечал П.Н. Миллюков, - была специально подготовлена Ф.Ф. Кокошкиным" (13).

Проблема правового государства стала главной и для всей научно - публицистической деятельности Кокошкина. Из крупных работ этого времени можно назвать "К вопросу о юридической природе государства и органов государственной власти", "Гражданская свобода как понятие государственного права"; "О желательных основаниях организации народного представительства в России"; "О правах национальностей и децентрализации законодательства и управления"; "Областная автономия и единство России". По этим вопросам Кокошкин выступал в таких либеральных периодических изданиях как "Русские ведомости"; "Путь", "Народная свобода", "Речь", "Дума".

Однако главным достижением этого времени следует признать активное участие в создании основного проекта конституции. Сам Кокошкин говорит об этом в своей автобиографии очень скромно: "При моем участии составлен изданный Струве в 1905 г. в Париже проект конституции для России с комментариями к каждой статье" (14). Но мы знаем, что вклад Кокошкина был значительно большим и в настоящее время можем реконструировать ход работы над двумя основными проектами Основного закона, в создании которых он принимал самое непосредственное участие (15).

После выступления с Выборгским воззванием, Кокошкин, как и многие другие его коллеги по кадетской партии, был исключен из активной политической деятельности. Он был осужден в 1907 г. и отбывал наказание в тюрьме под номером 81. В дальнейшем Кокошкин продолжал заниматься научно-публицистической и педагогической деятельностью, издав ряд трудов по конституционному праву России и Европы. С 1907 г. он преподавал государственное право в Народном Университете Шанявского, а также в Торговом институте. Им, в частности, было подготовлено и осуществлено издание конституционных актов важнейших европейских государств (16). Основным направлением исследовательской работы Кокошкина явился анализ российской государственно-правовой традиции в сравнении с европейской (17). Наконец, разработан курс общего государственного права (18), где изложены основы его социологической концепции государства.

Свержение монархии и поиск выхода из революции (1917).

Возвращение Кокошкина к активной политической деятельности относится к 1917 г., когда Временное правительство назначило его Государственным контролером. Мы мало знаем о его деятельности в это время, так как документы архива не дают о ней полного представления. Кокошкин отдавал себе отчет в непрочности положения Временного правительства. Началом его конца он считал вынужденный уход в отставку П.Н. Миллюкова. Большие сомнения испытывал Кокошкин по отношению к эсеровским лидерам - А.Ф. Керенскому, которому он дважды представлял свой ультиматум и, особенно, В. Чернову, само пребывание которого в правительстве было для него признаком его неблагополучия. Поэтому в условиях нарастающего кризиса Кокошкин, как и другие руководители кадетской партии (Миллюков, Новгородцев), активно искал способы укрепления социальной базы правительства. Об этом может косвенно свидетельствовать его встреча с Алексеевым и Савинковым во время наступления Корнилова на Петроград. В то же время Кокошкин посвятил себя

подготовке ряда принципиальных документов для организации Учредительного собрания. Об этом свидетельствует ряд документов его архива, в частности - "Указ Временного правительства Сенату о назначении Ф.Ф. Кокошкина председателем Особого Совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание". Из этого документа за подписью министра-председателя правительства кн. Львова и министра юстиции П. Переверзева от 21 мая 1917 г. явствует, что Кокошкин, продолжая оставаться сенатором Первого департамента Правительствующего Сената, назначается также Председателем Особого совещания для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание (19). Другой документ - "Удостоверение Московской столичной по выборам в Учредительное собрание комиссии на имя Кокошкина в связи с избранием его членом Учредительного собрания", датированный 25 ноября 1917 г. (20). После Октябрьского переворота 1917 г. Кокошкин вместе с другими министрами Временного правительства был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Оттуда он ввиду плохого самочувствия был переведен в Мариинскую больницу, где был "случайно" убит анархистами в 1918 г. Эта официальная версия событий, однако, вызывает ряд сомнений в случайности происшедшего. Известно, что В.Д. Бонч-Бруевич отговаривал жену Кокошкина от перевода его в больницу, возможно предполагая исход событий. Он сказал ей: "Ну так помните, я сделал все, чтоб отговорить Вас". П.Н. Милюков прямо обвиняет большевиков в организации этого покушения: "Варварское убийство Кокошкина большевиками, - писал он принесло мне глубокое горе. Одной солдатской пулей легко уничтожить хрупкую и тонкую организацию; но сколько поколений нужно, чтобы создать ее! Архимед и варвары: история повторяется" (21). Во всяком случае устранение Кокошкина - одного из лидеров кадетской партии и одновременно одного из руководителей подготовки к Учредительному собранию - было крайне целесообразно для формирующейся диктатуры.

II. ПЕРВЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС В РОССИИ (ВЫБОРГСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ).

Обращение к истории Выборгского воззвания важно в условиях современного политического процесса. Прежде всего Выборгское воззвание символизирует первый реальный конституционный кризис в России - роспуск самодержавным правительством парламента, избранного населением на основе демократических процедур голосования. Конституционный кризис подобного рода имел место во всех странах при переходе от абсолютизма к правовому государству, становясь очень часто прологом гражданской войны сторонников парламента и монархической власти. Позиция русских либералов в условиях такого кризиса была воспроизведением аналогичной позиции радикальных депутатов в ходе английской или французской революции, а также либеральных деятелей в период Франкфуртского парламента в Германии (22). Она состояла в отказе от подчинения решениям монархического правительства и обращении через его голову к нации - призывом к кампании гражданского неповиновения деспотической власти. Наиболее эффективными средствами давления на монар-

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России

хию в подобных условиях становились отказ от вотиrowания государственного бюджета, отказ от уплаты населением налогов, а также - поставки рекрутов в армию, что парализовало финансы, гражданскую и военную администрацию. Разрешением данного конфликта в ходе революций повсюду становилось установление парламентского контроля над исполнительной властью, являющееся условием правового государства. Данная модель развития политического кризиса, однако, оказалась нереализуемой в России. Как показала история Выборгского воззвания - прямого обращения либеральных депутатов Думы к избирателям, идеал правового государства оказался совершенно чужд и непонятен для населения, фактически отказавшего в поддержке конституционалистам (23). Более того, данная политическая инициатива оказалась в конечном счете деструктивным фактором для самих конституционалистов, позволив бюрократии устранить от парламентской деятельности ведущих лидеров кадетской партии (24). Временные колебания правительства (которое также не знало, как будут развиваться события) сменилось уверенностью в абсолютном контроле над ситуацией. Это нашло выражение в суде над оппозиционными депутатами, поддержавшими Выборгское воззвание - наиболее видными сторонниками правового государства в России. О том, что подобный механизм разрешения конституционного конфликта не являлся случайностью, говорит тот факт, что он последовательно воспроизводился в России еще несколько раз вплоть до современности. Таким образом, мы имеем дело не с исторической аномалией, а устойчивой тенденцией, выражающей отличие российского политического процесса от западноевропейского. Рассмотрим каким образом Кокошкин, активный участник событий, анализировал причины кризиса, его разворачивание и итоги.

Причины роспуска Государственной Думы

Главная причина роспуска Думы, согласно Кокошкину,- объективная незаинтересованность правительства в принятии предложений кадетской партии по решению аграрного вопроса и проведению политической реформы. Существование кризиса состояло в отказе правительства принять идею ответственного парламентского министерства из представителей конституционно-демократической партии во главе с Милюковым. Идея создания такого правительства, активно обсуждавшаяся современниками, породила много неопределенных предположений, давших повод для различных выводов в современной историографии. Свидетельство Кокошкина, следившего за переговорами о создании кабинета, поэтому особенно важно. "Как вам, быть может известно,- сообщает он своему иностранному корреспонденту,- комбинация эта обсуждалась вполне серьезно, и по поводу нее с некоторыми членами партии велись переговоры через посредство третьих лиц. Иного способа мирного разрешения возникшего с самого начала между Думой и правительством конфликта не было. Министерство Партии народной свободы, конечно, оказалось бы в трудном положении, но я твердо убежден, что оно могло бы умиротворить страну и двинуть ее по пути реформ. Хотя кадетская фракция сама по себе не составляла абсолютного большинства в Думе, но составленное из ее среды министерство, несомненно, пользовалось бы поддержкой огромного большинства. Незадолго до роспуска Думы, приблизительно за неделю, сделалось известным, что предложение призвать к власти "кадетов" окончательно и безогово-

рочно отклонено" (25). Таким образом, была упущена возможность разрешения социально-политического конфликта конституционным путем и отвергнут важный прецедент парламентского министерства. Кокошкин отмечает, что у него нет данных о том, под чьим влиянием состоялось такое решение", однако высказывает ряд гипотез. Одна из них - внешнее влияние ("советы, шедшие из соседнего государства") - отвергается как малоубедительная. Другая - экономические интересы правящих верхов, - напротив, рассматривается как более предпочтительная. "Я, - заявляет Кокошкин, - уверен, что главным препятствием для назначения парламентского министерства, а вместе с тем основной причиной роспуска Думы, послужило выставленное большинством Думы требование принудительного отчуждения частновладельческих земель по справедливой оценке и обращение удельных земель в государственный фонд без вознаграждения удельного ведомства. Придворно-бюрократическая среда, окружающая царя, могла со всяким иным требованием примириться легче, нежели с этим. Оно слишком задевало материальные интересы этой среды". Свидетельство Кокошкина представляется тем более достоверным, что он был близким знаком с работой аграрной комиссии и М.Я. Герценштейном - ведущим экспертом партии по аграрному вопросу. По наблюдениям последнего, Дума была закрыта как раз в тот момент, когда в аграрной комиссии "стала ясно обрисовываться возможность соглашения между различными партиями".

Аграрная проблематика была важна для кадетов не сама по себе, а в более широкой перспективе создания гражданского общества, что предполагало установление формально-юридического равенства всех членов общества, отмену сословных привилегий и обеспечение прав личности и собственности, наделение всех равными политическими правами. С этой целью кадетской партией были внесены в Думу (за краткий период ее существования в два с небольшим месяца) законопроекты об обеспечении неприкосновенности личности и жилища; свободе вероисповедания, собраний, установлении гражданского равенства и, наконец, о земельной реформе, не считая более конкретных законопроектов (например, об отмене смертной казни и помощи населению губерний, пострадавших от неурожая). Для их дальнейшей разработки были созданы специальные комиссии, застигнутые роспуском Думы "в самом разгаре их работы". Кроме того, по свидетельству Кокошкина, "в портфелях комитета кадетской партии находились рассмотренные ею и готовые к вынесению в Думу законопроекты: 1) о свободе печати; 2) о союзах; 3) о всеобщем избирательном праве; 4) о реформе земских и городских учреждений; 5) о реформе местного суда" (26). Все они являлись попыткой легитимного проведения разработанного ранее проекта Основных законов, а их реализация означала бы настоящую конституционную революцию. Эта законодательная деятельность либеральной Думы противопоставляется деятельности правительства по проведению реформ, которые были блокированы бюрократией: несмотря на их провозглашение (указом 12/25 декабря 1904 г.).

Проблема соотношения реформ и бюрократии является принципиальной для объяснения механизма конфликта, завершившегося роспуском Думы. Этот конфликт составлял нерв отношений новоизбранной законодательной ассамблеи, каковой считала себя Дума и монархического правительства, отказывав-

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России

шего ей в этом качестве. Преодолеть сопротивление бюрократии при проведении законопроектов думы надеялись путем организации практики министерских запросов по поводу отдельных конкретных нарушений законодательства. Затем возникла идея смешанного правительства представителей царской администрации и думской оппозиции. Ее провал открыл путь концепции ответственного министерства - то есть фактически кабинета министров, ответственного перед Думой. Этот поворот событий был совершенно неприемлем для монархии, стремившейся сохранить незыблемость самодержавного строя, допуская лишь в крайних случаях отдельные шаги в направлении "мнимого конституционализма" (27). Но сохранить эту практику в меняющихся условиях можно было лишь воспроизводя режим чрезвычайного положения и существующую структуру власти - доминирующую роль бюрократии при слабой Думе. Отсюда - необходимость роспуска Думы и изменения избирательного законодательства с целью отсекающей либеральной оппозиции от активной политической деятельности.

Правительство и оппозиция в условиях кризиса.

Тезис о незаконности роспуска Думы (или ее "разгона", как говорили либералы) имеет столько же аргументов в свою защиту, как и обратный тезис о том, что эта акция была законной. Все зависит от того, как интерпретировать существо Манифеста 17 октября и Основное законодательство России последующего времени. Как и в ходе последнего политического кризиса, приведшего к роспуску Думы в 1906 г. и принятию новой конституции, конституционный кризис 1906 г. был в значительной степени спровоцирован обеими сторонами, стремившимися в ходе него укрепить свои позиции. Споры о законности и легитимности акций той и другой стороны определялись не столько реальным правом (крайне туманным и неопределенным в этом вопросе), сколько перспективным видением будущей конституционной системы государства обеими сторонами, вкладывавшими в интерпретацию действующего права свое понимание его развития. В обоих случаях решающей силой в ходе политического противостояния оказались не парламентарии (не имевшие реальной поддержки масс), а исполнительная власть - бюрократия, опирающаяся на поддержку армии. Отметим, что именно Кокошкин сыграл решающую роль в квалификации роспуска Думы как государственного переворота. По свидетельству Милюкова - "Ф.Ф. Кокошкин, наш главный эксперт по конституционным вопросам, был того мнения, что имеются все основания признать роспуск нарушением конституции. Главным его мотивом было то, что в манифесте не назначен срок выборов в новую Думу. Основываясь на недавнем примере Венгрии, он находил вполне конституционным построить наш протест на принципе пассивного сопротивления: то есть на отказе платить налоги и давать рекрутов правительству (28)."

Механизм роспуска Думы предстает на основании свидетельства Кокошкина, в следующем виде: заранее в Петербург были стянуты войска; после этого закрыт ряд оппозиционных газет (социалистическая "Мысль"); подписан указ о роспуске Думы; смещен премьер-министр (уход в отставку Горемыкина и назначение Столыпина); отвлекающий маневр - обращение министра внутренних дел Столыпина к председателю Думы Муромцеву с просьбой предоставления ему слова на следующий день; окружен ночью Таврический дворец

войсками, размещенными в больших дворах прилегающих казенных зданий; усиление полицейского контроля над партийными клубами и редакциями оппозиционных газет; технически осуществлен роспуск Думы, путем блокирования входа в нее для депутатов и обнародования соответствующего указа. Тот факт, что эта акция была проведена быстро и четко и по характеру своего исполнения напоминала государственный переворот, говорит о ее тщательной и длительной подготовке, осуществлявшейся в глубокой тайне из-за опасения массовых беспорядков. Кокошкин дает замечательное описание этих событий, приведшее его к пессимистическим выводам. "В 7 часов утра, - вспоминал он, - меня разбудил звонок. Это был Милоков, который сквозь двери сказал мне, что Дума распущена, в Петербурге объявлено положение чрезвычайной охраны и что комитет кадетской фракции немедленно собирается на квартире одного из его членов. Я поспешно оделся и вышел. На улицах было еще довольно пусто. На решетке Таврического сада был прибит указ о роспуске и введении чрезвычайной охраны. Группа из престолярда стояла и читала указ. Все они молчали, лица были угрюмы. Мне невольно вспомнились слова, которыми оканчивается "Борис Годунов", историческая трагедия нашего великого поэта Пушкина. Когда приверженцы Лжедмитрия, только что задушившие молодого царя Федора Годунова и его мать, входят к народу и кричат: "Годуновы убили себя! Мы видели их трупы",- "народ безмолвствует", замечает в скобках автор, и на этих словах кончает свое произведение. Как известно, вскоре после этого Лжедмитрий был растерзан тем же народом. "Дума умерла, она убила сама себя", кричало правительство после роспуска. Народ безмолвствовал как и 300 лет тому назад, и его безмолвие в первый момент после совершившегося события было столь же зловещим" (29).

На случай возможного неожиданного роспуска Думы кадетская партия заранее выработала определенную программу действий, соответствующую тактике западноевропейских парламентских кризисов. В случае объявления указа о роспуске с думской трибуны, они должны были повторить действия депутатов французского Национального собрания в Зале для игры в мяч во главе с Мирабо. Поскольку этот вариант представлялся наиболее вероятным, "постановлено было продолжать заседание и не расходиться вплоть до применения к депутатам физической силы (разумеется, войдя на этот счет в соглашение с другими партиями)". Учитывался, однако и другой возможный вариант - публикация указа в промежутке между заседаниями и закрытие Таврического дворца для депутатов (как и случилось).

В этом случае "комитет фракции должен был немедленно созвать ее для обсуждения положения, причем каждому из членов фракции был сообщен адрес квартиры, где можно было узнать о назначенном комитетом месте и времени совещания". Эти элементы конспирации оказались необходимы, позволив оперативно организовать на квартире совещание думской кадетской фракции: "Решение было принято единодушно и быстро, и именно то, которое на другой день осуществилось в Выборге. Тут же был набросан проект воззвания к народу".

Рассматривая обращение к народу как форму организованного социального протеста, либералы считали необходимым достижение согласия с другими оп-

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России

позиционными фракциями Думы, в том числе - трудовиками, октябристами и социал-демократами. Для этого необходимо было хотя бы на краткое время забыть о принципиальных программных разногласиях и успеть (до начала репрессий) "в общем собрании депутатов составить и подписать манифест к народу". Вопрос о месте, времени и характере этого общенационального заявления становился в этих условиях решающим. Было решено отправиться в Финляндию, что теоретически давало выигрыш времени (т.к. предусматривало необходимость консультаций русского правительства с финскими властями). Первоначальный вариант (Териоки) уступил место окончательному - Выборгу (в силу его близости и наличия помещения). В скором времени все свободные дома города были заняты приехавшими депутатами с женами, а также многочисленными корреспондентами. Сам Кокошкин с женой вынужден был остановиться в подсобном помещении ("комнате для чистки ламп"). Собрание происходило в одной из гостиниц Выборга, причем по решению фракций в залу были допущены только члены Думы (для предотвращения огласки всех данных и избежания возможных преследований). Мотивация поведения либеральной оппозиции определялась во многом их установкой на усиление конфронтации с правительством, по аналогии с другими аналогичными западноевропейскими кризисами. "Мы, - подчеркивал Кокошкин, - предвидели все возможные последствия нашего акта для нас лично и не предполагали уклоняться от них. Но мы хотели, вместе с тем, чтобы акт был коллективным действием всех собравшихся и не считали полезным для дела путем оглашения всего происходившего в печати дать возможность правительству разобраться в этом акте и установить степень участия в ней отдельных лиц. И теперь говорить о роли отдельных лиц значило бы давать материал для обвинительного акта. Не уклоняясь от суда, мы хотим быть судимыми вместе, как одно целое" (30). Инициатива и проведение этой оппозиционной акции принадлежала в основном кадетам. Об этом говорит и состав участников выборгского съезда: по приблизительным подсчетам Кокошкина (которые не противоречат другим данным), "выехало в Выборг разными поездами около 180 членов Думы, из них, сколько помнится, 103 "кадета", около 50 или 60 трудовиков, остальные - социал-демократы и беспартийные". Документ был подписан всеми присутствующими за исключением нескольких октябристов, а также польской делегации, покинувшей заседание раньше голосования. В дальнейшем число депутатов подписавших манифест быстро возросло за счет тех, кто смог поставить подпись позже.

Ответ оппозиции (Выборгский манифест).

Обсуждение и принятие Выборгского манифеста отразило наличие противоречий между основными фракциями Думы, но в конечном счете продемонстрировало их общую оппозиционность самодержавию. Свидетельство Кокошкина об этом важно как источник и, одновременно, социологический анализ ситуации: "Был прочитан и подвергнут обсуждению проект манифеста, составленный членами кадетской партии, затем "трудовики" и социал-демократы одобрили намеченный ими, еще не вполне обработанный проект. Оба проекта по основной мысли были сходны и разнились более в редакции. Тем не менее некоторые части обоих проектов вызвали горячие прения, затянувшиеся до поздней ночи. Впрочем, работа ее была главным образом редакционная, т.к.

по основным пунктам разногласий между ее членами не было. На следующий день прения возобновились. В течении них прибыли из Петербурга два октябриста из числа лидеров этой партии и делегаты от польского "кола". Последние привезли от своей партии декларацию с объяснением причин, по которым она не нашла возможным участвовать в совещании. Не скрою, что отказ поляков от общего дела произвел тягостное впечатление на собрание, особенно на кадетскую партию, выдвинувшую в России вопрос о польской автономии и вынесшую всю тяжесть его в избирательной борьбе на своих плечах. Октябристы в прения не вмешивались. Обсуждение проекта, выработанного комиссией еще не вполне закончилось, но в общем он уже имел на своей стороне значительное большинство, когда неожиданно прибыл Выборгский губернатор и, вызвав одного из членов собрания, сообщил ему, что от финляндского генерал-губернатора получено категорическое предписание немедленно прекратить наше собрание. Не подчиниться этому требованию значило бы злоупотребить гостеприимством страны, вынужденной считаться с русским правительством. Положение наше было затруднительное. Тогда один из лидеров кадетской партии предложил, прекратить дальнейшее обсуждение проекта, внести в него лишь поправки, уже принятые собранием, и затем подписать его" (31). Данный компромисс устроил все стороны и решение было принято. Ожидавшиеся участниками выборгского съезда репрессии последовали не сразу, но оказались очень действенными - они имели форму судебного преследования депутатов, подписавших воззвание и были направлены на лишение их избирательных прав. В этой перспективе выступление с возванием не достигло своей цели: оно не восстановило массы против правительства, и, в то же время, нанесло ощутимый удар по кадетской партии, поставив ее в нелегальное положение и исключив ее наиболее талантливых деятелей из активной думской деятельности.

Политические уроки кризиса и его значение.

Политический кризис, вызвавшийся в принятии Выборгского возвания, со всей определенностью продемонстрировал невозможность объединения усилий либералов и правительства при проведении реформ, в частности - реализации программы реформ Столыпина. Вот анализ Кокошкиным этой проблемы: "Я не знаю Столыпина как человека. Могу только сказать, что в Думе он своими манерами и приемами производил более симпатичное впечатление, чем его коллеги. Но как политический деятель он решительно ничем не выделяется из среды наших бюрократов. Качества же этой среды хорошо известны Европе. Наша бюрократия грубо развращена сознательно или бессознательно, глубоко невежественна и оторвана от жизни народа. Столыпин говорит о либеральных реформах. Но об этом мы слышим уже давно от всех его предшественников. Если какие-либо уступки и будут сделаны, они, как всегда, придут слишком поздно и не удовлетворят никого". Выход из создавшегося положения Кокошкин видит в создании правового (конституционного) государства, построенного на началах национального суверенитета, разделения властей, реализации лозунга об ответственном министерстве. Его аргументация, хотя и

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России

выражена в полемической форме, раскрывает причины неэффективности абсолютистского режима: "Во всяком случае главных народных требований ни столыпинское, никакое иное бюрократическое министерство удовлетворить не в состоянии по самой природе своей. Оно не способно обуздать произвол администрации, прекратить хищничество, казнокрадство, беззакония и жестокости, неспособно уничтожить непроизводительные расходы, неспособно провести амнистию, облегчить положение рабочих, и главное, неспособно удовлетворить земельную нужду крестьян. Бюрократическое правительство неспособно ко всему этому даже при действительном стремлении к реформам, ибо путь к этим реформам преграждается силами, побороть которые может лишь министерство, опирающееся на народное представительство. Борьба с революционным террором репрессиями невозможно. Он вырастает на почве известного общего настроения, а измениться это настроение может только тогда, когда народ получит действительное участие во власти". Тот факт, что "бюрократическое правительство не в силах выйти из заколдованного круга грубых и слепых репрессий" усугубляет социально-политический конфликт, но не разрешает его. Рассматривая положение основных социальных слоев в отношении политики правительства, Кокошкин приходит к выводу о неуправляемости ситуации - показателями этого являются революционный терроризм, истощенность казны и неустойчивость в вооруженных силах, т.к. "армия в большинстве еще повинует, но это - натянутая струна, которая может лопнуть. Таково общее положение" (32).

Общая ретроспективная оценка конституционного кризиса и обращения к народу в форме Выборгского воззвания самим Кокошкиным становится нам известной из воспоминаний его жены: "Ф.Ф., - сообщает она, - был одним из самых преданных сторонников этого воззвания до конца своих дней. В сущности говоря, он, И.И. Петрункевич и П.Н. Миллюков - вот настоящие инициаторы этого обращения. Кокошкину было ясно, что обращение необходимо, причем он никогда не обольщался никакими иллюзиями на счет его практического значения, результата, ни минуты не ожидал от него никакого народного признания. И, тем не менее - считал его необходимым. Во - первых, для того, чтобы не дать возможности всем возлагать всю вину на депутатов, сказав: "они ничего нам не посоветовали, а мы бы за ними пошли". А во-вторых, Ф.Ф. считал это прецедентом для будущего, считая пассивное сопротивление одним из способов конституционной борьбы народа в защиту своих прав. Что и надо было подсказать избирателям. А захотят ли они воспользоваться этим своим правом, или нет - это их дело" (33). Массы, как известно, отказались воспользоваться своим правом и в 1906 г. и в период Учредительного собрания - в 1918 г.

III. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Особенности развития российского конституционализма

Политический кризис, связанный с роспуском Думы, продемонстрировал несовместимость представлений конституционализма и монархической власти о путях реформирования политической системы. Он поставил обе стороны перед выбором, результатом которого стало Выборгское воззвание. Для понимания позиций сторон и их социологической интерпретации, однако, важно

понять мотивацию их поведения в условиях кризиса, определяющую сформировавшимися ценностными ориентациями. Это событие воспринималось современниками как столкновение двух политических культур или мировоззрений, одно из которых (конституционное) ориентировалось на западную теорию, а другое (монархическое) - скорее на российскую практику и роль государства в ней. В связи с очевидной актуальностью этого вопроса при переходе от авторитарной системы к демократической важно понять, что имеется в виду под основными понятиями - конституционализма и монархической власти. Понятие "конституционализма" трактуется в современной правовой науке достаточно широко: под ним понимается, во-первых, политическая система демократического общества с установившимися и развитыми институтами народного представительства, принципы деятельности которых закреплены в основном законодательстве; во-вторых, социальное движение, ставящее своей задачей реализацию принципов конституционализма там, где его нет и, в-третьих, философско-правовая доктрина, лежащая в основе политической теории либерализма, согласно которой принципы естественного права, общественного договора и прав личности, лежащие в основе разумно устроенного общества, должны быть зафиксированы в письменном документе - конституции, обязательном для исполнения государством (34). Если подходить с этими критериями к российскому конституционализму, то очевидно отсутствие первого признака (он сформировался и длительное время существовал в обществе с неограниченной самодержавной властью), ограниченность второго (как социальное движение российский конституционализм был слаб, ибо не имел опоры в обществе, где отсутствовал развитый средний класс) и явное преобладание третьего - российский конституционализм аккумулировал практически всю интеллектуальную элиту страны и в этом смысле был ведущей теоретической силой общества. Положив в основу своей деятельности социально-философскую парадигму западного либерализма, русские конституционалисты стремились к ее реализации в гораздо более традиционалистском обществе с более авторитарным политическим режимом.

В связи с этим центральное место (особенно после роспуска двух Дум и изменения избирательного законодательства) занимали вопросы теоретического анализа российской государственности в условиях перехода от абсолютизма к демократии, вопросы, связанные со стратегией выживания для самого конституционализма. Этим объясняются многие характерные черты развития права и политической социологии в данное время. Вся правовая мысль России искала обоснования конституционализма как единого явления мирового и российского политического процесса. В этой связи давался социологический анализ проблем становления современной демократии как социальной и политической системы, перехода от феодального общества к массовому, механизма власти и типологии форм правления в ходе крупнейших революций нового времени в Европе, когда сформировались основы современной политической системы, российской модели конституционализма в мировом политическом процессе. Анализируя подход классиков западноевропейской политической мысли к решению этих проблем в ходе Английской, Французской и Германской революций (учения Т. Гоббса и Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтес-

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Ф.Ф. Кокошкин и теория правового государства в России

кье, А. Токвиля и М. Вебера), российские теоретики конституционализма (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, М.Я. Острогорский и Ф.Ф. Кокошкин) создали оригинальную модель гражданского общества и правового государства в условиях модернизации. Они дали сравнительный анализ основных моделей политических систем при переходе от абсолютизма к различным типам конституционной монархии и от них к двум основным формам современного демократического государства - президентской и парламентской республикам. При решении этой проблемы ими учитывался исторический опыт российского конституционализма - от первых попыток ограничения монархической власти аристократией в XVIII в. и так называемого правительственного конституционализма XIX в., осуществляемого государственной властью сверху с целью модернизации политического режима, до конституционного эксперимента начала XX в. - начавшегося после 1905 г. создания Государственной Думы и многопартийной системы.

Политическая программа конституционализма

В обобщенной форме основы политической программы русского либерализма были впервые выражены в заявлении "От русских конституционалистов" (1902 г.). Среди основных положений выдвинуты именно те, которые являлись центральными для европейского либерализма эпохи борьбы с абсолютизмом в XVIII - XIX вв. и которые остаются актуальными для России в конце XX в. Это политическое представительство населения в постоянном высшем законодательном учреждении, обеспечение элементарных политических и личных прав населения, разработка на этих основах программы русской конституционной партии. Данная программа имела ярко выраженный западнический характер, поскольку предполагала выдвижение требований, которые "во всех культурных государствах давно уже легли в основу свободной общественной жизни как ее элементарнейшие и необходимые предварительные условия" (35). Существо социально-политической модернизации усматривалось в создании гражданского общества, правовым выражением которого становился принцип всеобщего равенства перед законом. Применительно к русским условиям это означало прежде всего уравнение крестьян в правах с другими сословиями, с одной стороны, и отмену привилегий дворянства (в области управления, земского представительства и сословного землевладения) - с другой. Кроме того исключалось какое-либо неравенство прав в зависимости от вероисповедания и национальности. Основным выводом из этой концепции становилось требование гарантий политических и личных свобод. В сфере политических отношений данный порядок закреплялся в концепции правового государства, основным признаком которого признавался контроль общества (в виде бессловного народного представительства) над властью (в виде парламентской монархии).

В современной исторической перспективе понятен огромный вклад русского конституционализма в теоретическую разработку концепции политической реформы. С уничтожением авторитарного советского режима стало ясно, что основные линии разумной политической реформы соответствуют тем, которые были проведены при переходе от самодержавия к конституционной монархии и от нее - фактически к республике в начале века. Данная модель яви-

лась результатом соотнесения мировой теоретической мысли с практикой социально-политических изменений. Именно в ходе крупных политических кризисов на практике сопоставлялись альтернативные модели политической системы - конституционной монархии и республики; концепции однопалатного и двухпалатного парламента; организации государства по принципу федерации или унитарного государства; на началах административной централизации или последовательно осуществляемого принципа региональной автономии и самоуправления; на основе всеобщего избирательного права или его ограничения системой цензов; организации многопартийности или однопартийной политической системы; политической культуры, основанной на конфронтации с властью или диалога с ней. Особое внимание уделялось в ходе кризиса раскрытию конфликтного потенциала трех основных компонентов российской политической системы - Государственной Думы, административной системы правительства и главы государства - монарха.

При оценке характера политической власти и перспектив ее развития внутри оппозиционного движения в целом и даже кадетской партии, в частности, не было единства мнений. Принципиальная проблема заключалась в том, можно ли рассматривать политическую систему, сформировавшуюся в ходе революции как аналог западных конституционных монархий или следует определять ее как лжеконституционализм или, согласно более умеренной формуле, мнимый конституционализм. В соответствии с этим по-разному решался вопрос об отношении к Думе и правительству, возможности участия политических партий в его работе. Как было показано, этот вопрос разъединял оппозицию даже в условиях политического кризиса - роспуска Думы правительством. Сторонниками первой точки зрения - признания российской политической системы реально действующим правовым государством в форме конституционной монархии - выступили многие видные теоретики русского либерализма. Анализируя Основные законы 23 апреля 1906 г., они раскрывали главным образом правовую сторону проблемы. Основными источниками "русской конституции" они (например, В.М. Гессен) считали прежде всего западноевропейское законодательство - конституции Бельгии, Австрии, Пруссии, а также созданную по ее образу конституцию Японии 1889 г. Российскими источниками послужили конституционный проект Союза Освобождения, а также проект С.А. Муромцева - Ф.Ф. Кокошкина (разумеется, в сильно модифицированном виде), которые в свою очередь испытали определенное влияние западного (бельгийского) конституционализма и были ориентированы не просто на конституционную монархию, но даже включали в себя элементы парламентской монархии и сильно выраженную приверженность к основным свободам. Можно констатировать также влияние судебной реформы 1864 г. и Судебных уставов, основанных на независимости суда и содержавшие умеренные гарантии личной неприкосновенности. Наконец, существенное влияние оказали предшествующие российские Основные законы (36). Уже сам состав этих источников показывает, что в постреволюционном Основном законодательстве конкурировали две тенденции - за сохранение достигнутых норм конституционного характера и против них, за восстановление прежних порядков, возможно, в модифицированном виде. Источником этих консервативных принципов яви-

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России

лись Прусская, Австрийская и особенно Японская конституции, а также Основные законы абсолютистского периода. Наиболее очевидным проявлением этих двух противоположных тенденций стала политическая система, созданная в России Манифестом 17 октября 1905 года и Основными законами 27 апреля 1906 г. С одной стороны, она напоминала конституционные монархии Западной Европы и внешне мало отличалась от них; с другой - имела существенную специфику, связанную с сохранением в законодательстве известного "монархического принципа" - специфической германской публично-правовой конструкции для представления главе государства особого независимого статуса над всеми ветвями власти и контроля над армией. В новом российском законодательстве эта тенденция проступала в сохранении за монархом титула "самодержец" при устранении синонима "неограниченный", ранее ассоциирующийся с ним. Монархический принцип проявился также в определении исполнительной власти как высшей государственной администрации и включении в ее компетенцию крайне широкого круга вопросов, многие из которых были по существу законодательного характера.

Эта двойственность основного законодательства России вызывала дискуссию среди представителей юридической науки того времени, в которой приняли участие такие видные ученые как М.М. Ковалевский, Б.Э. Нольде, С.А. Котляревский, И.В. Гессен, П.Б. Струве, В.А. Маклаков, П.Н. Милюков, Ф.Ф. Кокошкин, Н.И. Лазаревский. Обсуждая характер манифеста 17 октября 1905 г., Основные законы 1906 г., роспуск правительством первых двух Дум и радикальные изменения избирательного законодательства, они очень четко показали непоследовательность конституционных реформ в России. В то же время, будучи членами политической партии, выступавшей за введение конституционного порядка строя в России, они исходили из определенной политической установки - рассмотрения политической системы страны в перспективе правового государства. Суть этой политической позиции состояла в том, чтобы активно воздействовать на самодержавие, постепенно трансформируя его в конституционную монархию западного типа. Одним из способов этого давления была четкая правовая оценка политических заявлений правительства путем их соотнесения с сформировавшимися правовыми нормами европейских конституционных государств. В известном смысле они сознательно интерпретировали только правовые формулы, не касаясь проблемы механизмов их реализации.

Различие концепций российской государственности и отношения к власти.

В либеральном политическом спектре России консерваторы, умеренные и радикалы были разделены своей концепцией государственности сформировавшейся в ходе революции и, еще более, отношением к ее реформированию. Консерваторы русского либерализма - октябристы - занимали в этом вопросе неизменную позицию на всем протяжении существования старого режима. Теоретики октябристской партии однозначно поддержали новую политическую систему, созданную манифестом 17 октября. В программных документах этого направления провозглашалась, что главная цель политической реформы - создание конституционной монархии - достигнута. Моделью политической системы служил дуалистический тип монархического конституционализма с законодательной властью Думы и правительством, назначаемом монархом. В

этой системе (в отличие от английской парламентской монархии) государь оставался самодержцем и был призван не только царствовать, но и управлять страной. Фактически речь шла о политической реформе, целью которой становилась демократизация и рационализация режима без радикального изменения принципов его функционирования. По мнению теоретиков партии (напр. проф. В.И. Герьев), главная опасность реализации данного курса исходила от радикальных политических партий, выступавших (под влиянием некритического заимствования западного опыта) за парламентскую монархию и реализацию концепции ответственного министерства, неприемлемых в России. В условиях острого политического кризиса и дестабилизации власти выход усматривался, поэтому, не в партийном правительстве, а в развитии традиционного принципа "единения монарха с народом".

Для партии кадетов проблема конституционной монархии заключалась в реализации социального контроля над ней. Однако при решении вопроса о том, каков должен быть этот контроль, кадетские теоретики в свою очередь выдвигали как минимум три различные позиции, опирающиеся на различные западные модели - парламентская монархия, дуалистическая монархия и республика. Формулируя данную позицию, П.Б. Струве различал два типа конституционных монархий в Европе - парламентскую, где народное представительство не только осуществляет законодательную власть, но и управляет совместно с монархом (Англия, Бельгия, Венгрия) и конституционно - бюрократическую, где парламент законодательствует, а управляет страной монарх через созданное им правительство (Пруссия). В этой перспективе созданный русской революцией режим следовало признать конституционным, однако с существенными оговорками. Суть "конституционного переворота 17 октября" усматривалась в следующем : "Монарх уступил общественному давлению и отказался от самодержавия. Россия стала конституционной страной. Николай II стал конституционным монархом. Но русская конституционная монархия запнулась о бюрократию. И вот вся страна, сделав разом огромный шаг, остановилась. Бюрократия оказалась не в силах вести ее вперед" (38). Отсюда следовал вывод о необходимости давления на монархию (и бюрократию) с целью реализации принципа ответственного министерства из представителей общественного движения. Аналогичной позиции придерживался В.А. Маклаков, противопоставлявший легитимную конституционную реформу 1905 г. нелегитимным революциям 1917 г.. Манифест 17 октября интерпретировался им как полная историческая победа либерализма: это "была великая реформа, совершенная законной властью, октроированна конституция, о которой издавна мечтал либерализм. По своей глубине и последствиям реформа 1905 г. была не меньше реформ 60-х годов, но как тогда, так и теперь революции не было" (39). Ретроспективно оценивая развитие российской политической системы данного периода, он видел задачу либерализма в поддержке реформированной власти, а не ее дестабилизации. Главное противоречие пореформенной политической системы усматривалось в общей неподготовленности традиционалистского общества к демократии, декларировании политических свобод до проведения реальных социальных преобразований, провозглашении принципов парламентаризма до формирования политических партий, объективно от-

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России

ражающих волю населения. Объявить политические свободы, но при этом не выдвинуть приемлемого решения земельного вопроса значило открыть путь чрезвычайно опасной революционной демагогии, цель которой состояла уже не в правовых реформах, а в установлении диктатуры под утопическими лозунгами строительства социализма. В этих условиях реальной угрозой становился вакуум власти, наиболее вероятным выходом из которого в отсталой и некультурной стране оказывалась антилиберальная и антиправовая диктатура. Поэтому в отличие от радикальных членов конституционной партии, Маклаков, подобно Токвилю, считал необходимым союз либералов не с силами революции против власти, а наоборот, с властью - против революции, рассматривая его как неизбежный для сохранения самого либерализма в России. Отсюда вытекала предложенная им особая стратегия и тактика отношения с властью, допускавшая для конституционалистов сотрудничество с бюрократией для спасения реформационного курса. "Конституционная монархия, - подчеркивает он, - была тем, чего хотел либерализм и что ему самому было件 полезно, чтобы его не унес революционный хаос. Если Бисмарк прав, что основа конституционной жизни есть компромисс, то компромисс с конституционной монархией становился не изменой, а единственной разумной политикой. И соглашение с монархией в тот момент было тем легче, что она сделала все то, что было для этого нужно. Она согласилась на конституцию, закрепив ее манифестом. Наконец, во главе правительства она поставила Витте. Мог ли быть более знаменательный выбор?" (40). Ретроспективное признание ошибочности курса на конфронтацию с режимом свойственно и другим активным деятелям партии. "Кадеты,- по признанию А. Тырковой,- и после манифеста 17 октября продолжали оставаться в оппозиции. Они не сделали ни одной попытки для совместной с правительством работы в Государственной Думе. Политическая логика на это указывала, но психологически это оказалось совершенно невозможно. Мешала не программа. Мы стояли не за республику, а за конституционную монархию. Кадеты должны были стать посредниками между старой и новой Россией, но сделать этого не сумели. И не хотели" (41). Основные причины ошибочной стратегии усматриваются в эмоциональном фоне развития русского конституционализма, излишнем доверии к немецким правоведам, а также плохом знании российского самодержавия - его объективной исторической роли.

Иную позицию - радикальной критики российского политического режима с позиций последовательного проведения принципов парламентаризма - занимал лидер кадетов П.Н. Милюков. Обращаясь к оценке Манифеста 17 октября, он не только подчеркивал его непоследовательность и ограниченный характер, но и отказывался видеть в нем акт конституционного ограничения власти. Основной порок предложенной политической системы он усматривал в отсутствии у Думы реальной законодательной власти, которая поделена ею с Государственным Советом и монархом. Данная система не позволяет народному представительству осуществлять действенный контроль над правительством и, следовательно, реализовать принцип ответственного министерства. Отсюда следовал вывод о необходимости продолжения давления оппозиции на власть с целью вырвать у нее дополнительные уступки (42). Тактически это означало отказ оппозиции от вхождения в коалиционное "бюрократическое" правительство или сотрудничество с ним. Именно эта принципиальная позиция, по свидетельству Д.Н. Шилова, послужила одной из причин провала идеи

коалиционного правительства с участием кадетов, переговоры о котором Столыпин вел с Милюковым (43). В качестве перспективной цели выступало создание правительства общественного доверия (думского большинства), причем предполагалось, что ведущую роль в нем будет играть кадетская партия. Данный политический кризис закончился роспуском думы (указом 8 июля) и назначением Столыпина председателем Совета министров. В концептуальном труде о Второй русской революции Милюков дал еще более четкую социологическую характеристику российской конституционно - монархической системы, увидев в ней мнимый конституционализм. "Германские публицисты,- отмечал он,- придумали уже для этого периода меткое название: эпоха "мнимого конституционализма" (Sheinkonstitutionalismus). Если можно в одном слове формулировать причину того, почему с первыми уступками власти конфликт не прекратился, а принял затяжной характер и в конце концов привел к настоящей катастрофе, то это объяснение дано в этом слове: Sheinkonstitutionalismus. Уступки власти не только потому не могли удовлетворить общества и народа, что они были недостаточны и неполны. Они были неискренны и лживы, и давшая их власть сама ни минуты не смотрела на них, как на уступленные навсегда и окончательно" (44). Милюков исходил из того, что в российской политической системе существовало два конкурирующих центра законодательной власти - Дума, выражавшая интересы народного представительства, и Государственный совет, выражавший интересы старорежимной бюрократии; их конфликт парализовал законодательную работу, а в конечном счете блокировал и всю конституционную реформу. В этих условиях пропасть между либеральной оппозицией и властью становилась непреодолимой, а сотрудничество между ними (выдвигавшееся октябристами и правыми кадетами) представало как политическое лицемерие.

Таким образом, разброс позиций конституционалистов в отношении к власти и перспектив сотрудничества с ней был настолько велик, что включал полярные и взаимоисключающие позиции: для одних факт создания представительной монархии не вызывал сомнений, для других - был фикцией. Возможность преодоления раскола, постоянно угрожавшего партии начиная со времени ее формирования и до конца существования, снималась за счет компромиссов и поиска средней линии. Данный компромисс особенно четко проявляется в допущении различных точек зрения по таким принципиальным вопросам как Учредительное собрание и законодательные прерогативы Думы, выбор формы правления (монархия или республика), наконец, тип организации законодательной власти (однопалатная или двухпалатная). "Первоначальный текст программы, принятой на октябрьском съезде, - по ценному свидетельству А.Л. Кизеветтера, - совершенно умалчивал о форме правления. Объяснялось это тем, что партия никогда не придавала выбору формы правления принципиального значения. Для правых партий монархия являлась священным устоем. Для левых - республика служила одним из членов политического символа веры. Для партии кадетов выбор между тем и другим был не вопросом принципа, а вопросом целесообразности, лишь бы были утверждены конституционно - демократические начала" (45). Только позднее (на втором съезде) в программу было внесено положение о необходимости конституционной и

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России

парламентарной монархии (как практически более приемлемой формы правления). В связи с этим, многие современники подчеркивали роль Милюкова, который обладал способностью примирять левых и правых оппозиционеров путем формулирования "средней, равнодействующей линии". Более определенно о разногласиях в партии пишет С.Г. Пушкарев: "На учредительном съезде партии, в октябре 1905 г., при обсуждении вопроса о желательной форме правления в России, обнаружилось два течения: республиканское и конституционно-монархическое. На съезде, состоявшемся в январе 1906 г., партия высказалась за парламентную монархию" (46). Общей концепцией политической реформы стала доктрина правового государства.

В связи с этим заслуживает особого внимания позиция Ф.Ф. Кокошкина. Как убежденный сторонник правового государства и крупный юрист, он стремился максимально соотнести проектируемые изменения государственного строя с правовой традицией, однако, как один из руководителей политической партии, выступающей против самодержавия - вынужден был считаться с основными принципами ее программы. Его позицию можно, поэтому определить как компромиссную по отношению к воззрениям Маклакова и Милюкова. Он исходил из существования в России конституционной монархии и видел в Основных законах реальную (хотя и противоречивую) конституцию страны. Как показывает его позиция в ходе Выборгского воззвания, он стремился правовыми аргументами ответить на вызов самодержавия. В то же время, Кокошкин разделял позицию руководства партии по принципиальным вопросам стратегии и тактики. Некоторая двойственность положения Кокошкина в руководстве партии не укрылась от современников. "В ноябре 1904 г., - свидетельствует Маклаков Ф.Ф. Кокошкин возражал против Учредительного собрания, пока монархия существует; даже в июле 1915 г. на памятном для меня легкомысленном собрании у А.И. Коновалова он еще защищал монархию как большую и полезную силу. Но как член ЦК кадетской партии, он в противоречии с тем, что сам говорил, 20 октября 1905 г. поставил Витте решительный ультиматум об Учредительном собрании" (47). Для Маклакова Кокошкин - человек, пожертвовавший своими взглядами ради единства партии. Если даже это преувеличение, то доля истины в нем есть. Из воспоминаний Милюкова мы знаем о споре его с Кокошкиным по структуре парламента, где последний отстаивал именно двухпалатную систему. Наконец, близкое сотрудничество Кокошкина с С.А. Муромцевым в ходе разработки проекта конституции также являются косвенным подтверждением умеренности его взглядов.

**Конституционная система России и тенденции ее развития
с правовой и социологической точек зрения**

Сторонники интерпретации данной системы как конституционной подчеркивали, что сам по себе текст Основных законов 1906 г. не исключал возможности ее эволюции в направлении парламентаризма, путем повседневной борьбы за конституционные ограничения "монархического принципа". По их мнению, период с 1906 по 1917 гг. демонстрирует тенденцию к развитию конституционных и парламентских принципов - парламентской культуры, усиления роли и участия Думы в разработке и принятии законодательных актов, а главное - в отсутствии для монарха возможности вернуться к дореволюционному положению. Эта эволюция к 1917 г. находилась на своей начальной ста-

дии, была нестабильна, однако, общее направление прослеживается достаточно определенно. Данное движение шло несмотря на существенные изменения избирательного законодательства, создавшего в палатах парламента господство политических настроений привилегированных классов. Латентный политический кризис империи, постепенно возраставший как до, так особенно и во время войны, подталкивал большинство членов Думы в направлении парламентаризма и либерализма.

Для сторонников данной концепции Россия после принятия Основных законов 1906 г. стала конституционной, ограниченной, представительной монархией, хотя и наименее развитой в сравнении с другими конституционными монархиями Европы. Исходя из этого анализировались все кризисы в отношениях правительства и Думы, прежде всего роспуск двух первых Дум и изменение избирательного законодательства. Государственный переворот 3 июня 1907 г. не изменил этого положения, хотя означал насилие над Основными законами. Однако в манифесте, выпущенном по этому поводу император не ссылаясь на свое право абсолютного властителя, но лишь указывал на свой долг положить конец нетерпимой ситуации, и манифест не отменил ни одного из Основных законов, напротив, они были им определенно подтверждены. В дальнейшем и Дума и правительство избегали заявлений, позволяющих рассматривать этот шаг как прецедент. Справедливо, что Основные законы часто подвергались нарушениям, содержали различные временные положения, дух которых был несовместим с конституционализмом, но сходная ситуация существовала в законодательстве многих других стран в начале их конституционного развития, особенно, крупных империях до самого прекращения их существования. Граница между абсолютизмом и конституционным правлением не может, согласно данной точке зрения, быть проведена по линии полного применения на практике всех принципов новой системы. Конституционное правление существует уже тогда, когда дано национальное представительство, облеченное правом законодательных решений. Это право, дарованное России 17 октября 1905 г., не могло быть отменено правовым путем (что исключалось наличием статей 86 и 87 Основных законов). Согласно данной точке зрения, отстаиваемой в современной литературе М. Шефтелем, неверно интерпретировать российскую политическую систему Думской монархии как псевдоконституционализм или мнимый конституционализм: этот тезис был выдвинут крайне правыми и крайне левыми политическими силами для достижения своих политических целей - восстановления абсолютизма или его свержения в ходе революции (48). Рассмотрение российской политической системы привело ряд ученых (Н.И. Лазаревский) к выводу, что это было начало подлинного конституционализма в России и данная система могла утвердиться в случае правильного курса правящих верхов.

Противники данного подхода указывали на то, что он является спорным даже с чисто правовой точки зрения, поскольку игнорирует существенные особенности российского государственного права в сравнении с правом других европейских монархий. Достаточно сказать, что сохранение за монархом титула "самодержец" могло быть интерпретируемо в пользу абсолютности его власти, конструкция системы властей была такова, что давала монарху исключи-

*А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ**Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России*

тельные полномочия и, наконец, весь период с 1881 по 1917 гг. Россия жила в состоянии чрезвычайного положения, режим которого стал более жестким после 1907 г. и достиг апогея в годы войны. С правовой точки зрения это позволяло оставлять без внимания многие положения Основных законов, выводя монархию из сферы их контроля. Однако главный их аргумент имел социологический характер: анализ соотношения правовой нормы и действительности, природы политического режима и механизма власти в нем, наконец, поведение бюрократии в ходе острых политических конфликтов убеждал их в мнимоконституционном характере данной системы. Этот тезис был сформулирован наиболее жестко радикальными критиками режима (напр., В.И. Лениным). Однако он присутствовал и в либеральной политической мысли. Вопреки взглядам некоторых либеральных юристов последующие аналитики (напр., П.Н. Милюков в своих эмигрантских работах) отмечали, что Думская монархия начала XX в. может быть с большим основанием интерпретирована как мнимый конституционализм. Это не означает, тем не менее, что путь конституционных реформ был для нее закрыт.

Таким образом, относительно природы российской государственности после манифеста 1905 г. единства мнений нет как у современников, так и в современной научной литературе. Ряд авторов считает, что она может рассматриваться как конституционная монархия дуалистического типа (напр., В.В. Леонтович, М. Шефтель, позднее - Е.Д. Черменский), другие говорят о псевдоконституционализме и даже лжеконституционализме (особенно - А.Я. Аврех). Проблема дефиниций носит, разумеется, условный характер и во многом зависит от критериев "конституционности". Тем не менее, нам кажется более правильно определить этот политический режим вслед за М. Вебером как "мнимый конституционализм" (49). Данное определение имеет то преимущество, что дает не только и не столько правовую интерпретацию политического режима, но и раскрывает реальный механизм власти в нем, который существенно отличался от конституционных монархий Западной Европы.

Нам представляется, что к двум измерениям выдвинутым ранее (публично-правовому и социологическому анализу) необходимо прибавить третье феноменологическое - рассмотрение данного явления в исторической динамике. При таком его анализе становится ясно, что мнимый конституционализм повсюду является нестабильной, внутренне противоречивой системой, которая может развиваться диаметрально противоположным образом в зависимости от более общих тенденций социально-политического развития. Фактически это феномен переходного периода. Теоретически данная система, представляя собой сочетание конституционной легитимации власти с сохранением ее авторитарной сути, может стать отправной точкой как конституционного, так и антиконституционного развития. В России начала XX в. ситуация объективно сложилась в пользу второго варианта, однако это не исключает другого результата на исходе того же столетия.

IV. ФИЛОСОФИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Общество и государство с социологической точки зрения

Концепция правового государства разрабатывалась русскими конституционалистами на основе анализа как западной так и отечественной социально - политической практики. В разработке этих проблем Ф.Ф. Кокошкин является завершающей фигурой целого ряда либеральных мыслителей, наиболее видными из которых были Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский, М.М. Ковалевский, П.Б. Струве, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев и П.Н. Милюков (50). В то же время Кокошкин дал оригинальный синтез права и социологической теории начала XX в., внес существенный вклад в практическую реализацию идеала правового государства.

Правовые принципы Кокошкин разрабатывал в связи с анализом социально политической системы в целом. Рассматривая государство, он склонялся к пониманию его как социального отношения, с одной стороны, и юридического лица с другой. Все зависит от того, трактовать ли это явление с позиции социологии или теории права. Сам Кокошкин в своих работах пытался совместить оба подхода, однако не смешивал их: социологический подход является для него более абстрактным, позволяющим раскрыть механизм отношений общества и государства, правовой - применим к социальным явлениям исключительно с точки зрения их юридических параметров. В его трудах, поэтому, наряду с чисто нормативным анализом прослеживается также влияние ряда новых для того времени интерпретаций права, в частности - с позиций социальной психологии. Обобщающий труд Кокошкина - "Лекции по общему государственному праву" (1912) - посвящен философским основам публичного права, в нем широко использован опыт западно-европейской, особенно германской, юриспруденции, а также достижения политической мысли того времени (51). Как теоретик права Кокошкин разделяет в целом господствующую в то время теорию государства как юридического лица. В этом отношении он следует логике общего учения о государстве своего учителя - Г. Еллинека (52). Суть данной метафизической концепции заключается в рассмотрении государственной власти как идеального субъекта права, наделенного волей вступить в правовые отношения с обществом. Но в отличие от традиционной юриспруденции подход Кокошкина к проблеме государства - преимущественно социологический. Отвергая дававшиеся ранее его определения, он подчеркивает: "Государство по своему существу не есть ни территория, ни совокупность людей, оно не есть вообще, какой-либо материальный предмет или собрание таких предметов: оно есть общественное явление и, как таковое, составляет предмет общественной науки, социологии" (53). Как всякое общественное явление государство представляет собой не простую совокупность индивидов, но известное отношение между ними, поддающиеся анализу с помощью социологии и социальной психологии. Реальную основу общества, в соответствии с этим, составляют солидаристические отношения, образующие устойчивые социальные объединения - союзы людей (родовые, территориальные, профессиональные, личные), последовательно сменявшие друг друга в истории человечества. Развитие потребностей и появление несовпадающих интересов становится основной причиной конфликта интересов

*А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ**Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России*

различных индивидов и союзов. Необходимость их разрешения приводит к появлению искусственно созданной организации более высокого уровня, задачей которой является регулирование социальных отношений в форме власти и подчинения. В рамках данной концепции, очень напоминающей современные структурно-функциональные трактовки власти и государства, оно выступает не столько как сила принуждения, сколько аппарат управления, гармонизации социальных отношений. Отсюда следует, что репрессивные функции государства и права не являются безусловными, но, напротив, условны, - соответствуют определенной стадии развития человеческого общежития. Социальный прогресс в соответствии с этим состоит в уменьшении принудительной роли государства и права по отношению к личности за счет усиления воспитательной и образовательной функций. Задаваясь вопросом о том, каков механизм данного процесса, ученый отвергает основные классические схемы науки предшествующего времени. В ряде работ Кокошкин критически анализирует основные теории происхождения государства патриархальную и теократическую, дающие крайне упрощенную и наивную трактовку вопроса; договорную (исходящую из сознательного учреждения государства) и органическую (бессознательное развитие подобное росту растений и животных) теории, а также экономическую теорию, приходя к выводу об их односторонности. В противовес этому им выдвигается психологическая парадигма. "Государственная власть, - заявляет он, - есть явление психологического порядка и притом относящееся к области не индивидуальных, а коллективных психических явлений. Область эта изучена весьма мало и здесь мы не имеем пока стройной научной системы, а лишь отдельные исследования, представляющие зачатки новой науки коллективной или массовой психологии" (54). Отправной точкой рассуждений о природе государства служат здесь теории таких европейских мыслителей как Г. Спенсер, Г. Зиммель и Г. Тард, с одной стороны, русских - Н.М. Коркунова, В.И. Сергеевича и Л.И. Петражицкого - с другой. Согласно интерпретации данной теории Кокошкиным общественная и государственная власть происходит из личной власти человека над человеком, а ее природа выясняется путем интерпретации психологии господства и подчинения вообще. Социология власти в свою очередь призвана раскрыть разнообразные социальные причины (физическое или социальное неравенство, патриархальные нравы, религиозное почтение и др.), при которых первоначальный гипнотический импульс становится устойчивой тенденцией, ведя к институционализации власти и ее общественному признанию в тех или иных правовых формах. Решающая роль при этом отводится переходу индивидуальной психологии в социальную (эффект подражания и укрепления стереотипов поведения в общественных нравах). Этот переход фиксируется в праве, которое в соответствии с этим подходом определяется как "совокупность общественно-признанных норм, обеспечивающих возможность совместного удовлетворения интересов людей посредством установления взаимодействия их воле" (55). В соответствии с психологическими источниками его образования Кокошкиным различаются три вида права - обычай, закон и так называемое "внутреннее правосознание индивида", которое признается "экстраординарной формой образования права" (56). Его комментарии показывают, что речь идет фактически о традиционном, рациональном и харизматическом способах создания права в веберовском смысле (хотя последний термин Кокошкин не употребляет, заменяя его термином "экстраординарного права"). В рамках этой классификации способов образования права последний его вид открывает революционный путь установления нового объективного права "помимо закона и обычая". Данная концепция

весьма напоминает общий подход М. Вебера к праву, типологии власти и лидерства, базируясь на сходных теоретических источниках. Считая, как и германский мыслитель, что в основе всякой государственной власти лежит коллективная поддержка населения, вытекающая из признания им этой власти (мы сказали бы - "легитимность"), Кокошкин фактически воспроизводит логику его рассуждений о рационализации политического процесса. "Общественное признание, составляющее фактическое и юридическое основание государственной власти, носит смешанный характер, в нем переплетаются два психологических элемента: 1) стихийное инстинктивное подчинение, основанное на чувствах и привычках, 2) сознательное, рассудочное повиновение, вытекающее из рациональных мотивов. Политический прогресс в истории человечества сводится к постепенному расширению второго элемента за счет первого. Политический идеал заключается в том, чтобы осмыслить, подчинить разуму стихийную общественную силу, родящуюся в темных, не освещенных сознанием областях нашей душевной жизни, превратить ее в силу сознательную и разумную". В отличие от Вебера, однако, рационализация власти связана для Кокошкина не с ее бюрократизацией, а с процессом демократизации - вовлечением широких масс населения в процесс сознательной политической деятельности и преодолением иррациональных элементов социального развития.

Исходя из этого Кокошкин считает возможным осуществление идеала французского Просвещения, сформулированного в договорной теории: "конечная цель политического развития, вытекающая из безусловной ценности разума, заключается в постепенном приближении к общественному договору, в превращении безотчетных или полусознательных политических настроений, стремлений и привычек в сознательную общую волю народа" (57). По мнению Кокошкина, право возникает до государства и независимо от него, образуя устойчивую традицию правосознания, государство должно считаться с ней и опираться на нее, а объективная задача общества состоит в окончательном подчинении государства праву, иными словами - создании правового государства. Сознательное отношение к власти и ее рационализации, следовательно, означают реализацию идеалов либерализма и конституционализма.

Государство как юридическое лицо

В связи с этим остановимся специально на правовой интерпретации отношений общества и государства Кокошкиным. Теория государства как юридического лица наделяла его характером субъекта права, способного вступать в правоотношения с другими юридическими лицами - подданными или гражданами государства. Данная теория имела для либеральной политической мысли два преимущества. С одной стороны, она интерпретировала государство не как физическое лицо монарха, а как совокупность правовых институтов, которые вырабатывают общее решение (подразумевалось, что ими могут быть как монарх, так и три основные ветви власти - парламент, правительство и верховный суд). Воля государства как юридического лица в такой трактовке означала определенный консенсус всех элементов политической системы, каждый из

*А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ**Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России*

которых по отдельности был неправомочен выступать от государства в целом. Исходя из этого модифицировалось известное понятие суверенитета, который интерпретировался уже не как воля монарха, но как воля всего государства. Если государственная власть и вытекающие из нее права принадлежат всему государству, то только к государству как юридическому лицу, может быть отнесено и то свойство государственной власти, которое называется суверенитетом. Суверенитет не может быть приписан исключительно народу (или народному представительству - парламенту), исполнительной власти (правительству) или монарху, который осуществляет не свою собственную власть, а власть государства. Все они представляют собой органы государства, причем суверенитет становится выражением их коллективной воли. В данной трактовке суверенитета государства как юридического лица уже заложена компромиссная модель конституционной монархии как формы правления, противостоящая двум крайним доктринам - революционного народного суверенитета и феодального монархического принципа. Кроме того концепция разделения властей (на законодательную, исполнительную и судебную) не доводится здесь до крайности их противопоставления и автономного существования, но интерпретируется скорее как разделение функций в рамках единой управленческой системы во главе с единым арбитром-императором. Концепция государства как юридического лица была важна для сочетания принципов федерализма и унитаризма, позволяя оптимально сочетать автономию и единство государства как политического образования. Государство в качестве юридического лица само создает право, применяет его и выступает судьей в случае конфликта; преодолеть это противоречие возможно только при таком толковании принципа разделения властей, когда само государство попеременно выступает в разных функциях.

С другой стороны, данная правовая конструкция предполагала наличие договорных отношений государства и общества, центрального правительства и федеративных образований, основанных на признании взаимных обязанностей и прав. Это давало возможность обоснования автономных прав национальных образований, социальных и профессиональных союзов, личности гражданина перед лицом государства. Гражданское общество и правовое государство выступали при этом как взаимодополняющие части единого образования - нации. Правовое (конституционное) государство, исходя из этого, - "есть государство, которое в своих отношениях к подданным связано правом, подчиняется праву, иными словами - государство, члены которого по отношению к нему имеют не только обязанности, но и права, являются не только подданными, но и гражданами" (58). Совокупность гарантий прав индивида со стороны государства - это конституция. Государство, подчиняющееся нормам права - есть конституционное государство. Третьим преимуществом данной теории являлась возможность обоснования с ее помощью сильной (хотя и действующей в рамках права) власти в форме конституционной монархии, являющейся выражением воли нации к модернизации традиционалистских социальных институтов.

В своей концепции государственного права Кокошкин уделял особое внимание тем проблемам, которые были актуальны для России при переходе от абсолютной монархии к представительной системе правления, а именно - государственно - правовым формам федеративных отношений, государственно суверенитету, системе выборов, теории разделения властей, правам и политическим свободам личности.

Проблема автономии и федерализма

Идея самоопределения народов была поставлена в программах русских политических партий за долго до того, как она была сформулирована американским президентом В. Вильсоном для послевоенной Европы. Существенное внимание ей отводилось в программе кадетской партии, где она получила правовое обоснование. Ф.Ф. Кокоскин, в частности, являлся одним из тех мыслителей, которые рано осознали необходимость для России теоретического разрешения проблемы федерализма и автономии. Этот вопрос был поставлен им еще в 1905 г. в брошюре - "Областная автономия и единство России" (59). Она встала в практической плоскости в связи с обсуждением программного положения кадетской партии о предоставлении автономии Польше, но получила более широкую трактовку. Достаточно сказать, что проблема польской автономии стала поводом серьезных разногласий в рамках Союза Освобождения и одной из причин размежевания партий кадетов и октябристов. На августовском съезде Союза разработанная Кокоскиным программа решения национального вопроса встретила оппозицию. Вопрос о польской автономии был решен положительно с характерной оговоркой о сохранении единства России в этнографических границах. Другая идея Кокоскина - о децентрализации была отвергнута до установления "гражданской свободы и правильного народного представительства для всей империи". Реализация этого принципа в будущем должна была развиваться постепенно, по мере выяснения нужд населения и разработки соответствующей правовой процедуры (причем проблема автономизации не связывалась прямо с решением национального вопроса). В своем труде Кокоскин полемизирует с теми, кто считает, что автономия и федерализм ведут к распаду России. Его основной тезис состоит в том, что автономия не только не противоречит единству государства, но укрепляет его. Именно реформа местного управления (создание на основе земства мелких общесословных административных единиц), по мнению ученого, должна способствовать формированию гражданского общества. В качестве практического решения проблемы он допускает даже возможность создания местных Дум. Для правильной интерпретации позиции Кокоскина важно четко представлять смысл основных понятий и их взаимное соотношение в его интерпретации. В принципе этот смысл близок современной их трактовке в правовой науке, но в то же время имеет существенную специфику. Понятие автономии (или административной децентрализации) не несет само по себе смысла национального самоопределения. Оно означает лишь предоставление государством функций самоуправления отдельным регионам - самоуправляющимся союзам, деятельность которых, однако, определяются общегосударственным законодательством. Наряду с понятием автономии (административной децентрализации) Кокоскин вводит понятие областной автономии (законодательной децентрализации), которая предполагает доведение принципа децентрализации до высшей степени - предоставления отдельным частям государства (автономной области или краю) возможности иметь свои законодательные собрания, обладающие правом совместно с центральной властью издавать мест-

*А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ**Ф. Ф. Кokoшкин и теория правового государства в России*

ные законы. Реализация данной модели отнюдь не означала наделение автономных областей государственным суверенитетом, но предполагала наделение их частичной политической самостоятельностью в рамках единого государства. Кроме того, принцип областной автономии распространялся не на все, а лишь на некоторые части государства, подготовленные к этому исторически и культурно (в Российской империи или были, по мнению кадетов, - Польша и Финляндия). Это была модель, ближайшим аналогом которой являлась Австро-Венгерская империя, автономные области которой имели, однако, весьма ограниченную законодательную компетенцию. Наконец, третье основное понятие - федерация определялось как государственно-правовой (в отличие от международно - правового) союз - сложное государство, элементы которого (отдельные государства) подчиняются власти единого федерального центра. При федеративной системе, согласно Кokoшкину, власть составляющих ее государств самостоятельна, но не суверенна. Главное различие конфедерации (союза государств, регулируемого международным правом) от федерации (союзного государства, регулируемого единым публичным правом) состоит в том, что члены последней теряют свой суверенитет, а вместе с тем - право выхода из федерации. Трактую вопрос о Федерации, русские юристы обращались не столько к опыту Швейцарии или США, сколько к Германской империи, правовая доктрина которой выступала за сильное, общенациональное союзное государство. Все сказанное позволяет констатировать неправомерность перенесения последующих трактовок основных понятий на кадетскую программу, искажающих ее суть. Во-первых, следует различать такие понятия как административная автономия, областная автономия и федерализм, из которых только второе стало программным требованием; во-вторых, концепция областной автономии и даже федерации не связывались прямолинейно с решением национального вопроса (как впоследствии у большевиков); в-третьих, ни одна из этих концепций не противоречила принципу единства государства - "единой и неделимой России". Напротив, вся логика рассуждений Кokoшкина свидетельствует о том, что все виды децентрализации и федерализма направлены на укрепление единой государственности, которая одна может быть носителем суверенитета.

Трактовка Кokoшкиным проблем федерализма вполне вписывается в представления современной науки о федерациях как единых сложносоставных республиках, отношения в которых (в отличие от унитарных государств) построены не на основании принципа господства и подчинения, а скорее на основе "общей теории ограниченных конституций" (выражение А. Гамильтона), при которой "ограничение прерогатив каждой единицы правления должно поддерживаться и соотноситься с общей системой конституционного права". Данная трактовка федерализма современным американским ученым (В. Остром) приводит его к выводу о том, что подобная система представляет собой известную альтернативу гоббсовской теории суверенитета: политическая система опирается на широкое развитие сообществ, функционирующих как самоуправляющиеся коллективы, создающие дополнительные и совпадающие механизмы правления (60). Это позволяет выработать и закрепить в сознании общества более адекватные механизмы урегулирования соперничающих интересов, взаимного сдерживания властей, правового характера решения конфликтов. Данный подход предполагает широкое развитие принципов гражданского самоуправления, соответствующих всей философии федерализма и прежде всего -

его договорной основе. В концепции областной автономии и ее последующего развития в федерацию эта цель достигалась последовательным развитием тех политических принципов, которые изначально были заложены в русском земстве - внесловных и вненациональных выборных органах местного самоуправления, которые русские либералы рассматривали как фундамент и организационную структуру конституционного государства. По мнению Ф.Ф. Кошкина и его политических единомышленников решение проблемы рационального соотношения центра и периферии состояло в развитии иерархии земских учреждений снизу (от бессловной мелкой земской единицы на уровне волости) доверху (земская палата Государственной Думы). Данная конструкция двухпалатного парламента должна была обеспечить баланс центральных и местных (в том числе и национальных) интересов в будущем правовом государстве. Таким образом, выдвигался принцип нераздельности гражданских, политических и национальных преобразований. Принципиальная важность данного решения для судеб страны состояла в том, что осуществление принципов федерации не связывалось автоматически с решением национального вопроса - границы как административной и областной автономии, так и федерации не обязательно должны были совпадать с этнографическими границами проживания национальных меньшинств. Даже в случае доведения областной автономии до осуществления федерации она становилась средством интеграции национальных культур в рамках единого гражданского общества и правового государства, а не инструментом выдвижения национальных требований к союзному центру. Предложенной интерпретации взглядов Кошкина не противоречит мнение другого крупного кадетского публициста. Разъясняя "национально-областной вопрос в программе конституционно-демократической партии", С. Котляревский видит ее принципиальное отличие от профаммы других либеральных партий (Союза 17 октября, Партии правового порядка, торгово-промышленной) в трактовке вопроса об отношениях между центром и периферией. "Нечего объяснять,- заявляет он, - что конституционно- демократическая партия не менее твердо держится принципа единства и неделимости России, но она иначе понимает это единство; она думает, что сильная центральная власть совместима с весьма широкой децентрализацией, с существованием местных законов, вообще с признанием широкого простора для областных и национальных своеобразий" (61). Автор исходит из необходимости дифференцированного подхода к решению проблемы автономии для различных регионов страны. Крайностью является как тотальный централизм, так и всеобщая автономизация. Если ясно, что для автономии полностью созрело Царство Польское, где национальные и областные границы почти совпадают, а уровень культуры населения и политическая традиция достаточно развиты, то этого нельзя в равной мере сказать о Литве, Малороссии, Грузии и т.п. национальных регионах, где местная автономия может быть установлена общегосударственным законом лишь после достижения гражданской свободы и создания институтов народного представительства.

Эти идеи получили развитие у кадетских публицистов последующего времени, которые интерпретировали проблемы национально-государственного устройства России в ходе гражданской войны. Эволюцию воззрений кадетов

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ**Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России**

по этой проблеме проследивает другой видный теоретик партии - М.М. Винавер, являвшийся наряду с Кокошкиным и Котляревским автором ряда программных документов. Согласно его взглядам, будущее принадлежит, несомненно, единой России, которая, однако, должна быть организована на основе новых государственно-правовых форм. Ранее кадеты считали возможным постепенное создание этих форм снизу, путем развития областной автономии в ожидании возникновения более всеобъемлющих союзных форм. Жизнь ускорила ход этой работы и поставила проблему федерализма. Концепция федерализма не противоречит идее единства государства, но предполагает изменение принципов его построения. Поскольку стремление к децентрализации очень сильно, необходимо облечь его в соответствующие правовые рамки федерализма или автономии. Реальное их воплощение состоит в предоставлении субъектам федерации максимальной самостоятельности при сохранении за центром единого контроля над объединенными вооруженными силами, иностранной политикой и финансами. В соответствии с этой моделью строилась концепция законодательной власти. Идея парламентаризма, которая уже глубоко укоренилась в России, должна быть реализована не только в центре, но и в различных регионах страны. Местные органы народного представительства получают полную свободу действий в области общественного образования, судопроизводства, общественных работ, местного бюджета и всех вопросов местного управления. Их желание учитывается центральной властью при назначении и смещении министров. Для контроля за применением Основного законодательства и информирования центра вводится институт представителей центральной власти на местах. Конфликты, затрагивающие интересы центральной или местной власти, должны рассматриваться Верховным судом, организованным по образцу существующего в США (62). Как видим, это была та же модель организации местного управления, которая предлагалась Ф.Ф. Кокошкиным. О ее реалистичности говорит тот факт, что, будучи сформулирована в самом начале XX в., она стала предметом практического осуществления на его исходе.

Гражданское общество и правовое государство в России

Проблема реформы местного управления была тесно связана с вопросом об организации выборов - системы народного представительства. В специальной работе по этой проблеме "Об основаниях желательной организации народного представительства в России" - Кокошкин выступает последовательным сторонником системы всеобщего избирательного права в России (63). В этой работе мы находим четкую интерпретацию общих принципов теории правового государства применительно к России. Известно, что в либеральной политической мысли Западной Европы и России были как убежденные сторонники, так и противники данной системы - первые апеллировали к демократическим убеждениям и чувству справедливости, вторые, напротив, подчеркивали опасность быстрого вовлечения в политику неподготовленных масс населения. В связи с этим обсуждались различные модели организации системы народного представительства - по региональному принципу (от земств и городов), по сословному принципу (традиционная система представительства, применявшаяся при выборе депутатов на Земские соборы и в Уложенные комиссии) и, наконец, классовому (путем введения норм представительства для различных со-

циальных групп, а также использования ограничительных мер - имущественного или образовательного ценза). Кокошкин, несомненно знавший аргументы обеих сторон, предлагает новое и вполне оригинальное обоснование необходимости всеобщего избирательного права для России. Он выводит ее из необходимости быстрого преодоления сохранившихся элементов традиционализма во всех его проявлениях (регионального, сословного и классового). Региональный принцип отвергается им как слишком громоздкий - система двухстепенных выборов исказит народную волю; сословно-классовые ограничения путем ценза - как основа будущей нестабильности политического строя, отбрасывающего как народ, так и интеллигенцию - "интеллигентный пролетариат". В качестве главного аргумента в защиту всеобщего избирательного права Кокошкин указывает на специфику сословного строя в России, отличного от западной его модели. Сословный строй в России, считал Кокошкин, является скорее созданием правительственной власти, чем результатом объективных социальных причин. Сословия сложились и были закреплены ради определенной государственной цели - несения податного тягла, выполнения военной и гражданской службы. Задача народного представительства, напротив, состоит в создании бессословного общества (русский эквивалент термину "гражданское общество") с целью обеспечения всем его членам равных политических прав. Другим аргументом против всеобщего избирательного права стал тезис о кассовом характере общества, неравенстве различных экономических классов, требующем различной нормы представительства от них. Кокошкин отвергает этот марксистский тезис, противопоставляя ему необходимость правового разрешения социального вопроса. Признавая существование классовой борьбы и ее мощное влияние на общество в целом, он, однако, указывает, что "одна из главных задач государственного устройства заключается в том, чтобы ослабить по возможности это влияние, чтобы приучить классы сдерживать свои эгоистические стремления и подчинять их принципу общего блага, чтобы создать в лице государственной власти силу, стоящую над классами и их взаимной борьбой, способную оценивать интересы классов с общегосударственной точки зрения и с этой же точки зрения примирять и согласовать их". Таким образом, всеобщее избирательное право есть механизм перехода от традиционалистского общества с жесткой сословно-классовой структурой к бессословному и бесклассовому обществу, в основе функционирования которого лежит принцип личной свободы. Нельзя сказать, что Кокошкин не замечал опасных тенденций, которые неизбежно несла в себе всеобщая подача голосов. В частности, он указывал на опасность для представительных учреждений темноты и корысти крестьянства, которое пойдет за тем, кто даст землю. "Абсолютизм и революция,- пророчески говорил он,- оттуда будут брать камень, чтобы ими побить тех, кто стал на их дороге". Однако, подобно другим русским либералам, он не видел другого разумного выхода из социального кризиса, считая, что издержки грядущего "восстания масс" могут быть ослаблены развитием просвещения и культуры. "Всеобщее избирательное право наравне со всеобщим обучением спокойно комментировал он, - является необходимым условием современного прогресса". Эта идея, почти буквально заимствованная у французских просветителей, исходит из убеждения в способности масс вое-

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России

принимать рациональные аргументы - предположения, едва ли подтверждающегося в ходе всемирной истории. Кроме того Кокошкин вводит в свою конституционную программу все известные ограничения политической власти, способные предотвратить ее узурпацию с чьей бы то ни было стороны. Принцип народного представительства уравнивается им системой разделения властей - на законодательную, исполнительную и судебную, возможность узурпации власти первой из них двухпалатной организацией законодательной власти, проектируется децентрализация исполнительной власти, а также расширение компетенции органов местного самоуправления.

В этом обществе двигателем социальных изменений должна стать не разрушительная гражданская война, а столкновение политических партий в ходе всеобщих выборов. В связи с этим Кокошкин дает свою трактовку политических партий. Они, несомненно, связаны с классами и часто опираются на них в политической борьбе, однако не сводимы к ним полностью. "Человек,- отмечает он, - принадлежит к определенному классу в силу внешнего своего положения, к определенной партии - в силу своих убеждений". Этот вывод о соотношении партии и класса может рассматриваться в качестве антитезы известному учению Ленина о тождестве класса, партии и вождей. Фактически Кокошкин выступает против того, что другой русский либерал - М.Я. Острогорский называл "партиями-омнибусами", раскалывающими общество на два непримиримых стана по линии какого-либо одного конфликта. Модель партийной системы либерализма основана на представлении о значительной автономности партий от общества и составляющих его социальных групп, меняющемся балансе сил между ними и возможности их постоянной конкуренции в парламенте. Таким образом, тот механизм переустройства общества, который большевики видели в революции и установлении монополии одного класса и его партии, кадеты усматривали в действенной системе всеобщих выборов и создании правительства общественного доверия из представителей победивших на выборах партий. В соответствии с этим понятно то внимание, которое они уделяли разработке избирательного законодательства и фиксации процедуры выборов.

Принципы решения конституционного вопроса

Важнейший программный документ русского конституционализма - проект Основного закона, был подготовлен Союзом Освобождения и издан в 1905 г. в России и Франции (64). Этот проект, ставший существенной предпосылкой Основного закона Российской империи 23 апреля 1906 г., был составлен лучшими юристами своего времени (среди них - Ф. Кокошкин и С. Котляревский, а впоследствии в переработке проекта участвовал С.А. Муромцев). В целом данный проект очень четко выразил политические устремления наиболее рациональной части русского конституционного либерализма, которая уже в 1904 г. выступила с лозунгом созыва Государственной думы. Проект был составлен на основе тщательного анализа основных европейских конституций, прежде всего французской и германской, а потому оказался во многих отношениях чрезвычайно радикальным для России. Этим объясняется, вероятно, двойственная реакция на него французских и особенно германских юристов. Сочувствуя целям этого движения и его программе, даже полностью отождествляя себя с ним (как М. Вебер) некоторые западные (Эсмен, Еллинек, Вебер)

и русские мыслители (М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев) критиковали проект за излишний радикализм в условиях России. Наблюдая с симпатией за распространением принципов западноевропейского конституционализма в России, они, в то же время, справедливо указывали на неподготовленность страны к немедленному принятию столь радикальной реформы. Главную опасность ей они усматривали в отсутствии стабильной социальной базы, радикализме и правовом нигилизме интеллигенции, а также всевластии бюрократии. Этим объясняется поиск умеренной стратегии конституционных реформ в России (65).

Для умеренного либерального конституционализма России конца XIX- начала XX вв. наиболее значимой стала, поэтому, не французская республиканская модель правового государства и не английская модель парламентской монархии, а именно германская модель конституционной монархии с сильно выраженным монархическим принципом. Эта модель являлась существенной модификацией соответствующих принципов западноевропейского (английского и французского) конституционализма, их новым синтезом, позволяющим совместить принципы правового государства и сильной власти монарха. Ее рациональность объяснялась исторически сложившимся характером отношений общества и государства, ролью последнего в процессе модернизации. Ф.Ф. Кокошкин, принимавший участие в работе над конституционным проектом на всех этапах, оказался перед трудной дилеммой - необходимостью совместить классическое либеральное требование всеобщего избирательного права с программным положением о конституционной монархии как форме правления. Теоретически данное противоречие разрешалось принятием германской модели политической системы. На практике, однако, предстояло решить вопрос о том, какой правовой характер будет иметь Основной закон - договорный или октроированный. В первом случае - его принятие должно быть осуществлено народным волеизъявлением, во втором - решением самой монархической власти.

В данной перспективе исключительно интересно обращение к двум практически неизвестным правовым документам, подготовленным к предполагаемому созыву Учредительного собрания в 1905 г.. Есть все основания предполагать, что в их разработке существенную роль играл именно Кокошкин (хотя он не одобрял идею Учредительного собрания при сохранении монархии), поскольку он считался главным специалистом партии по этим вопросам. Один из них - "Проект подкомиссии бюро": "Положение о выборах в Учредительное собрание народных представителей". Он дает детальную характеристику всей структуры избирательных учреждений, а также процедур их работы - от участковых до городских, областных, губернских и столичных избирательных комиссий (66). Другой - проект "Положения об Учредительном собрании народных представителей Российской империи для выработки Основного государственного закона". Данный проект регламентирует состав и порядок избрания Учредительного собрания, порядок его работы, правовой статус депутатов, а также компетенцию данного учреждения по выработке конституции - Основного закона (67). Согласно этим проектам, Учредительное собрание избирается всем населением страны на основе "всеобщего, равного, прямого и закрытого

*А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ**Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России*

голосования", само регламентирует структуру, порядок своей деятельности и избирает председателя, принимая решения большинством голосов. Оно "не может быть распущено до утверждения и обнародования Основного государственного закона, в котором должен быть определен срок созыва установленного названным законом законодательного собрания народных представителей". Проекты конституции могут быть внесены на рассмотрение Учредительного собрания как правительством, так и группой его членов (в 40 чел.), а после его принятия "представляются председателем Совета министров на утверждение императора". Таким образом, проводится мысль о конституционной монархии как наиболее реальной форме правления. Статус депутата - "народного представителя" детально регламентируется по всем линиям возможного давления на него: предусматривается, что он должен быть независим как от исполнительной власти (не может принимать от нее материальные вознаграждения, звания или чины и должности за исключением должности министра), так и от избирателей (принцип несвязанности наказами), наконец, обладает правом депутатской неприкосновенности (не может быть арестован и предан суду). Вводится фиксированный оклад представителя (10 руб. в сутки), который не может быть произвольно изменен. Анализ документов показывает, что Кокошкин выступал за договорную конституцию, принятие которой давало максимум гарантий от реставрации самодержавия в прежнем виде. В то же время наиболее желательной формой правового государства в России выступала конституционная монархия. Она позволяла, по мнению кадетов, реализовать в сложных условиях переходного периода оптимальное соотношение основных принципов либеральной демократии, выработанных западноевропейским опытом - народного суверенитета, разделения властей и эффективной исполнительной власти.

Таким образом, Ф.Ф. Кокошкин продемонстрировал уникальное сочетание глубокой разработки теории правового государства и практической деятельности по его созданию в форме конституционной монархии. Эта проблема, как было показано, являлась центральной для него на всех этапах творчества и политической борьбы - в эпоху, когда он стал одним из создателей и активных деятелей движения земцев - конституционалистов и Союза Освобождения, формирования на их основе конституционно-демократической партии, позднее, когда он в качестве эксперта участвовал в составлении проекта конституции и избирательного закона, а также играл видную роль в земском движении периода первой русской революции, был одним из лидеров кадетской партии и депутатом Первой государственной Думы, наконец, на завершающем этапе, когда Кокошкин являлся одной из ключевых фигур Временного правительства в подготовке основных документов Учредительного собрания.

Российский конституционализм в лице Кокошкина выступил с цельной концепцией правового государства, значение которой в полной мере стало очевидно в наши дни. Она совмещает лучшие достижения европейской политической мысли с задачами модернизации общества. Политический кризис, свидетелем и активным участником которого стал Кокошкин, позволил верифицировать многие положения данной теории применительно к российским условиям. Стало ясно, что простое перенесение политического опыта европейского либерализма не дает ожидаемых результатов в России. Консерватизм и политическая инертность масс не позволили бескровным путем реализовать конституционную реформу. Общество и государство оказались перед традици-

онной российской дилеммой - выбором между анархией и авторитаризмом. В этих условиях либеральная интеллигенция видела свою задачу прежде всего в воспитании новой политической культуры - внедрении правовых принципов через земскую деятельность, университетское преподавание, кампанию гражданского неповиновения властям с целью подготовки общественного мнения для создания гражданского общества и правового государства в будущем.

Концепция правового государства стала в условиях революционного кризиса той теоретической парадигмой, которая позволяла русскому либерализму совместить идеал сильного демократического государства с политической ролью умеренной оппозиции монархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Реконструкция интеллектуальной и политической биографии Федора Федоровича Кокошкина (1871-1918 гг.) - ведущего теоретика и одного из виднейших деятелей русского либерализма и конституционализма рубежа XIX-XX вв., внесшего принципиальный вклад в разработку его стратегии, программы и тактики, - ставит перед исследователем ряд проблем эвристического характера. Начиная со времени трагической гибели Кокошкина в 1918 г. и до настоящего времени, эта работа не могла быть проведена как по идеологическим причинам, так и из-за отсутствия необходимых данных. Архив Кокошкина, сохранившийся в ГАРФ (Фонд М. 1190), был, несомненно, подвергнут цензуре уже в период его передачи на государственное хранение. Иначе трудно объяснить практически полное отсутствие в нем рукописей научных трудов, переписки и других документов персонального характера, имеющих в любом частном архиве, тем более - крупного ученого и политического деятеля. Возможно, отбор документов был осуществлен женой Кокошкина с прагматической целью избежания конфронтации с новыми властями или под их прямым давлением. Во всяком случае среди немногочисленных документов архива преобладают материалы справочного характера, официальные документы, а также ряд опубликованных брошюр. Важным источником информации являются воспоминания жены Кокошкина, которые, однако, имеют на себе печать недоговоренности и даже прямых умолчаний по ряду наиболее важных вопросов - деятельности Кокошкина в период Временного правительства, его роли в подготовке Учредительного собрания, а также его убийства. Реконструкции биографии Кокошкина способствует ряд важных документов, обнаруженных нами в Национальных архивах Франции. До последнего времени эти источники не были известны ни французским, ни русским исследователям. Речь идет о ряде писем Кокошкина редактору "Le Temps", написанных с целью освещения в западной прессе роспуска Государственной Думы Столыпиным, а также составленной им в связи с этим краткой автобиографии и записки мемуарного характера о Выборгском воззвании. Как явствует из письма Кокошкина, после роспуска Думы и истории с Выборгским воззванием, он отправился в Швейцарию, где и подготовил данные документы. Со временем оригиналы документов были переданы известному французскому специалисту по России П. Буайе и обнаружены нами в составе других документов его корреспонденции (Archives Nationales: A J / 62/ 66/ Association France-Russie). Они позволяют реконструировать очень важный отрезок

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ**Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России**

жизни Кокошкина - времени его земской деятельности, участие в организации Союза Освобождения, участие в работе Думы, а также - формирование его социологических и политических взглядов. О деятельности Кокошкина в последующее время и развитии его взглядов можно судить как по сохранившимся материалам его архива, так и по свидетельствам других крупных либеральных деятелей - П.Н. Милокова, С.А. Муромцева, С.Н. Трубецкого и др., а также по опубликованным трудам мемуарного характера. Однако центральную роль при характеристике взглядов Кокошкина играет анализ его научных трудов и лекционных курсов, а также подготовленных им законопроектов.

2. Медушевский А.Н. Кем был председатель Первой государственной думы (Генеалогия С.А. Муромцева) // Генеалогические исследования. М., 1993.

3. Автобиография Ф.Ф. Кокошкина // Archives Nationales: A J/ 62/ 66/ Association France-Russie). Поскольку в рассмотренных нами архивных делах Национальных архивов Франции отсутствует валовая нумерация листов в деле, они не приводятся нами в сносках здесь и далее.

4. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. Организация, программа, тактика. М., Наука, 1985; Медушевский А.Н. Земство и конституционализм в России // Земство. Архив провинциальной истории России. 1996. № 1.

5. Автобиография.

6. Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1995.

7. Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории, 1996. № 9.

8. Кокошкин Ф.Ф. С.А. Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911.

9. Милоков П.Н. Воспоминания. М., Политиздат, 1991. С. 186.

10. Воспоминания М.Ф. Кокошкиной // ГАРФ. Д. 21. Л. 49.

11. Там же. Л. 50-50 об.

12. Автобиография.

13. Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 205.

14. Автобиография.

15. Медушевский А.Н. Конституционный проект С.А. Муромцева // Исследования по источниковедению истории России. М., 1996.

16. Тексты важнейших основных законов иностранных государств (в переводе Ф.Ф. Кокошкина). М., 1905.

17. Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного права. М., 1908 (Студенческое издание).

18. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912.

19. Указ Временного правительства Сенату о назначении Ф.Ф. Кокошкина председателем Особого Совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание // ГАРФ. Д. 8. Л. 1.

20. Удостоверение Ф.Ф. Кокошкину от Московской столичной по выборам в Учредительное собрание комиссии в связи с избранием его членом Учредительного собрания // ГАРФ. Д. 8.

21. Милоков П.Н. Указ. соч. С. 186.

22. Анализ подобных политических конфликтов стал центральным мотивом трудов по политической истории: Политический строй современных государств. Сб. ст.

- П.Г. Виноградова, В.М. Гессена, М.М. Ковалевского, П.М. Милокова и др. Спб, Право, 1905. Т. 1-2.
23. Винавер М.М. История Выборгского воззвания. Спб., 1913.
24. О последствиях Выборгского воззвания для участия кадетов в выборах: Dahlmann D. Die Provinz wahl. Russlands Konstitutionell - Demokratische Partei und die Dumawahlen 1906-1912. Koln, Bohlau Veil, 1996. P. 213-220.
25. Письмо Ф.Ф. Кокошкина редактору журнала "Le Temps"// Archives Nationales. Далее цитаты идут из этого же источника.
26. Письмо Ф.Ф. Кокошкина редактору журнала "Le Temps".
27. Относительно природы российской государственности после манифеста 17 октября 1905 г. единства мнений нет и в современной литературе. Ряд авторов считает, что она может рассматриваться как конституционная монархия дуалистического типа: Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906.; Political Institutions of the Duma Monarchy. Bruxelles. 1978. Другие говорят о лжеконституционализме (Напр.: Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.). Проблема дефиниций носит условный характер и зависит от критериев " конституционности". Тем не менее нам кажется более правильным определить этот политический режим вслед за М. Вебером как "мнимый конституционализм" (Weber M. Zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905-1912. Tubingen, 1989). Данное определение имеет то преимущество, что дает не только правовую интерпретацию режима, но и раскрывает реальный механизм власти в нем, который существенно отличался от конституционных монархий западной Европы. Подробнее см.: Медушевский А.Н. Конституционная монархия в Европе, Японии и России// Общественные науки и современность. 1994. № 6.
28. Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 266.
29. Письмо Ф.Ф. Кокошкина редактору "Le Temps".
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. Воспоминания М.Ф. Кокошкиной. Л.56.
34. Интернациональную литературу вопроса см.: Dictionnaire Constitutionnelle, P., 1992.
35. От русских конституционалистов// Освобождение. Штутгарт, 1902. N.1. С.7-12. См. также: Российские либералы: кадеты и октябристы. Документы, воспоминания, публицистика. М., 1996.
36. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Спб., 1908.; Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912; Нольдэ Б. Законы Основные// Право, 1913.
37. Герье В.И. Открытое письмо А.И. Гучкову// Российские либералы. М., 1996. С. 139-142.
38. Струве П.Б. Революция// Российские либералы. М., 1996. С.86.
39. Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Т.3. С.403.
40. Маклаков В.А. Цит. соч. С.405-407.
41. Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Изд.2. Л., 1990 P.96, 206, 246-247.
42. Милоков П. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. Спб., 1907. С.47-48.

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ**Ф. Ф. Кокошкин и теория правового государства в России**

43. Подробнее о провале идеи коалиционного правительства см.: Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С.446-460.
44. Милоков П. История второй русской революции. Киев, 1919. Т.1. Вып.1. С.5-12.
45. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С.410.
46. Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. N.Y., 1953. С.449.
47. Маклаков В.А. Цит.соч. Т.3. С.487.
48. Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906. Political Institutions of the Duma Moonarchi. Bruxelles, 1976. P.261-262, 373, 382.
49. См. примечание 27; Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм// Социологические исследования. М., 1994 № 2,4; Он же: Конституционный вопрос в России// Вестник МГУ. Серия ХП. 1996. № 4-5.
50. Основными сводными работами о принципах правового государства являются Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав. Соб. соч. Т.4; Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. М., 1895. Т.1-2. Он же: Общее конституционное право. Спб., 1908; Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. М., 1877; Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Спб., 1908. Т.1 (Конституционное право). Вопросам осмысления государства в понятиях правовой науки была посвящена и первая крупная работа Ф.Ф. Кокошкина - "К вопросу о юридической природе государства и органов государственной власти" (1896).
51. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. Изд.2.
52. Еллинек Г. Общее учение о государстве. М., 1908.
53. Кокошкин Ф.Ф. Лекции... С.2.
54. Кокошкин. Лекции. С.63.
55. Кокошкин. Лекции. С.120-124.
56. Кокошкин. Лекции. С.79.
57. Там же.
58. Кокошкин. Лекции, С.267.
59. Кокошкин Областная автономия и единство России. М., 1905.
60. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. М., 1993. С. 58-70.
61. Котляревский С. Национально-областной вопрос в программе конституционно-демократической партии// Российские либералы. М., 1996. С. 115.
62. Vinaver M.M. Federation, autonomie, droits de nationalites// La Russie d'aujourd'hui et de demain. P., 1920.
63. Кокошкин Ф.Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906.
64. Тексты проектов опубликованы в кн.: Конституционное государство. Спб., 1905.
65. Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия// Вопросы истории. 1996. № 9.
66. Положение о выборах в Учредительное собрание народных представителей. Проект подкомиссии бюро. М., 1965.
67. Положение об Учредительном собрании народных представителей Российской империи для выработки Основного государственного закона. Проект. М., 1905.